

ЕВГЕНИЙ АРСЮХИН

Медуза

РОМАН

Евгений Арсюхин

Медуза. Роман

«Издательские решения»

Арсюхин Е.

Медуза. Роман / Е. Арсюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748701-0

Неглупый паренек становится чиновником, просто потому что ему повезло. Потом уходит в бизнес. Потерпев в бизнесе неудачу, однако же, триумфально возвращается в чиновничью рать. Теперь он занимает крупный пост в системе госуправления. Счастливец? Давайте сами посмотрим, что стало с этим человеком, как он живет, на что тратит деньги, во что превратился.

ISBN 978-5-44-748701-0

© Арсюхин Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1. Далекая Алена	6
Глава 2. Теленок	10
Глава 3. Занзибар	15
Глава 4. Новый поворот	17
Глава 5. Другие взоры	22
Глава 6. Прошел месяц	26
Глава 7. Тили тесто	29
Глава 8. Первая кровь	32
Глава 9. Красное колесо	37
Глава 10. Оттенки синего	41
Глава 11. Январь	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Медуза

Роман

Евгений Арсюхин

© Евгений Арсюхин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Важное предупреждение

Перед вами сугубо литературное, фантазийное произведение, не имеющее никаких контактов с реальностью. Поэтому все совпадения, касающиеся персон, фамилий, организаций и ситуаций являются случайными. Более того, если в тексте вы встретите названия структур или имена персон, которые существуют в реальном мире, вас это не должно вводить в заблуждение. И тут имя присутствует лишь в виде пустой оболочки, которую автор произвольно наполняет, чем ему захочется. Это мир литературного обмана – и министерство экономического развития вовсе не то, какое вы знаете, и минсельхоз не минсельхоз, и даже Россия, в которой, как вам покажется, происходит действие – не Россия.

Часть I

Глава 1. Далекая Алена

До Орла долетели быстро. Самолет уже снижался, когда из-за занавески показался глава Федеральной группы регулирования Артур Мстиславский. Паша машинально привстал, в живот уперся ремень безопасности. Он, молодой сотрудник Группы, видел Мстиславского третий раз в жизни. Первый – когда нанимался.

Вообще-то первого раза не должно было произойти. Паша устраивался мелкой сошкой, вершителями его судеб должны были стать сотрудницы департамента по развитию персонала, матерые молодящиеся тетки, напоминающие прихватками давно вымерший типаж советских «продавщиц», но на Мстиславского в те дни нашла демократическая блажь, и он пожелал рассмотреть «молодую поросль» лично.

– Женат? – Мстиславский, вспомнилось Паше, поднял на него свои мутные глаза, но до лица пашиного взгляд не дошел, на пупке остановился.

– Нет, – ответил Паша.

– Женим, – пообещал Мстиславский, – Мы тут всех женим. Оформляйте – и кинул кадровику швырком пашин пакет документов.

Явившийся в салоне самолета Мстиславский поманил Диму Великанова, Дима вскочил, пригнулся на тонких ногах, упираясь головой в потолок самолета. Мстиславский что-то сказал Диме, почти в ухо, и вернулся к себе, за занавеску. Дима кинулся в конец самолета, вернулся, неся в руках увесистую пачку бумаг. Чуть пригнувшись, встал перед занавеской, не решаясь зайти. Занавеска приоткрывала переднюю часть самолета, Паша – и Дима тоже – видели стол, за которым сидел Мстиславский. Мстиславский, развалившись, чистил банан. Великанов, однако же, не решался пересечь образованную занавеской черту, даже просто отстранить рукой полог, голову просунуть, робел, и так стоял с пачкой в руках, ждал, когда Мстиславский поднимет глаза, и их взоры встретятся. Но Мстиславский глаз не поднимал, а взоры не встречались.

– Садитесь, снижаемся, – сказала стюардесса Диме.

Великанов проследовал на место, пятясь назад, в надежде все же на randevу с глазами Мстиславского. Сел в кресло, держа папку на весу, как утопающий держится за буюк.

– Пристегнитесь, – снова обратилась к Диме стюардесса.

Дима попытался пристегнуться, не теряя баланса, не получилось, так и остался сидеть, придерживая свободной рукой не застегнутый ремень, словно пассажир джихад-такси. Самолет тем временем плюхнулся наземь и задрожал на колдобинах военного аэропорта города Орла. Паша выглянул в иллюминатор: их уже ждали, на летном поле стояли машины, одна черная, Мерседес, для Мстиславского, и микроавтобус для остальных. Жались от ветра трое пожилых мужчин в погонах, женщина с хлебом-солью, в кокошнике, ветер чуть не срывал головной убор, женщина, удерживая на густо крашенных губах улыбку, балансировала подносом с хлебом-солью, проявляя те же чудеса ловкости, что Дима с папкой бумаг.

Сразу поехали в резиденцию губернатора, километров за 30 от города. Туда вел идеальный асфальт, по сторонам мелькали деревни, безлюдные. И только раз попалась баба, что вела на поводе козу. Баба остановилась, ослабилась, ладонь над лицом расположила, а потом ею утерла пыль, оставленную машинами. Паша еще никогда не был в Орловской области. Он вообще почти не знал Россию. И это была его первая командировка от Группы.

Резиденция оказалась комплексом изб за высоким бревенчатым частоколом. Внутри изб обнаружился евроремонт и вышитые скатерти. Пашу отвели в домик для прислуги – с ним

пошли охранники, ФСОшники, корреспондент газеты «Правда Орловщины» и личник (личный фотограф) Мстиславского. Посадили однако же за отдельный стол, чему Паша поразился, заметив краем глаза, как, недолго думая, накатила стакан корреспондент, крякнул, утер рукавом волосатый рот.

Прислуживала девушка с надписью «Алена» на бейжке.

– Вам чай сразу? – спросила она, и Паша как-то понял, что чай в этом разговоре не так уж важен.

Пожелал сразу. Алена принесла чайник с чашкой на подносе, медленно и ловко поставила перед Пашей так, чтобы тот успел рассмотреть через разрез в официантской спецовке ляжку лифчика, врезанную в чуть смуглое тело. От запаха духов в смеси с пряным юным потом Паша вдруг испытал дрожь внизу живота, как будто ему предстояло прыгать с крыши высотки.

– Мне по статусу положено или нет? – судорожно соображал он.

Чай не лез в горло. Алена скрылась за горячим. Чтобы успокоиться, Паша достал смартфон, выбрал контакт «Люда» – на аватарке была молодая женщина с длинными прямыми волосами, и недовольным, как в сериале «Воронины», лицом. Набрал. Послушал гудки. Где-то ходит. В метро едет.

Алена вернулась с бефстроганов, и, когда ставила, чуть задела пашино плечо.

– Вот так и живете тут? – сказал вдруг Паша.

– Тут хорошо! – быстро ответила Алена, – Вокруг нет никого. А спать будете в третьем корпусе, там веранда, джакузи даже есть.

Паша, не утолив голода, вышел на крыльцо, и увидел Семена Самуиловича, своего первого орловского знакомого. Семен Самуилович встречал их в аэропорту и ехал в том же микроавтобусе.

– Поели? – старик чуть не побежал к Паше, – Ну и славно. У меня до вас дело есть. Мы вот тут изучили рынок, вы знаете, так интересно получается...

– А где Дима? – спросил Паша про Великанова. Дима устроил его работать в Группу, был пока что его единственным знакомым, и Паше хотелось спрятаться от новых людей, впечатлений в беседу с ним.

– А там они все, – старик показал в сторону самой большой избы, откуда мягко шелестела музыка.

– Я сейчас, – сказал Паша, и пошел туда.

Приоткрыл дверь... И тут же закрыл.

– Ой, – сказал Паша.

За секунду он заметил зрелище, которое не могло не ослепить чувствительный ум и впечатлительные глаза. Толпа красавиц – Паше показалось, что штук 30 – в коротких черных платьях и на шпильках, фланировала по ярко освещенному залу, образуя некие орбиты вокруг центра, каковым служил пухлый кожаный диван. На диване Паша успел заметить Мстиславского с губернатором, оба смеялись и были, казалось, далеко от этой суеты.

Дверь тут же распахнулась вновь.

– Вам рекомендовано быть возле своего домика, – на пороге нарисовался охранник губернатора, похожий на актера из скандинавского боевика.

– А Великанова нельзя позвать?

Охранник отрицательно покачал головой, отчего витой шнур, приставленный к уху, заколебался в противофазе. Дверь вновь захлопнулась.

– Так вот, – налетел на него Семен Самуилович.

– Едем! – неожиданно сказал Паша, – Едем в Орел. Я там буду ночевать. Там и поговорим.

Завкафедрой прикладной маркетинговой Орловского университета казался удивленным, но перед глазами Паши стояла бретелька алениного лифчика, и только Орел мог прогнать этот морок.

Оказалось, один водитель едет в Орел. По дороге Паша болтал с водителем.

– Навоза не достать нормального, – сокрушался водила, поддерживая руль татуированными руками, – Мне вот тесть на днях заказал машину навоза, я три хозяйства объехал, нету, коров-то порезали всех.

– А как ваш губернатор вообще? – спросил Паша.

Завкафедрой дремал на заднем сиденье.

– Он справедливый, – почему-то слегка изменившимся голосом ответил водила. И, после паузы, с мечтательной усмешкой, – Как выпьет, за руль просится. Я ни в какую, нет, и все. Он кричит, уволю. А наутро руку жмет. Справедливый.

Меж тем въехали в Орел. Водитель высадил попутчиков в центре, у областной администрации.

– У вас где тут посидеть, поговорить?

– Кафе Театральное, – ответил Семен Самуилович.

Разместились за пластиковым столиком, Паша цедил сок, Семен Самуилович потягивал пиво и излагал Паше суть последних наработок кафедры. Паша легко распознал провинциальный бред. Но он не перебивал ученого. Семен Самуилович получил разрешение от губернатора пожить летом в резиденции, поработать. А дачи у Семена Самуиловича не было. Старик был благодарен губернатору. У губернатора были пожелания к исследованию. Результат предсказуем.

– Закрываемся через 15 минут, – бросила официантка, ставя перед ученым вторую кружку.

– Ой! Вот я интеллигент черствый! Я даже не спросил, где ночевать-то будете. Назад дорого на такси, да и не поедет никто. Далеко. Я бы к себе, да...

– Не стоит. Вон гостиница, – Паша кивком головы показал за окно – через площадь стояло здание с надписью «Отель Советский» на крыше.

Спровадив старика, Паша решил прогуляться. Город был темен и пуст. Трое подростков изучали премудрости доски с колесиками, прыгая через бордюр. Ветер носил туда-сюда мусор и обрывки бесплатных газет. Дойдя до какой-то реки, Паша завидел вдалеке стаю собак, и от греха вернулся на площадь.

– У нас люкс остался, или без удобств, – процедила администратор.

Паша заплатил 700 рублей за «без удобств», уголком глаза приметив в фойе девушку в черном пальто. Девушка сидела за столиком и читала журнал «Око планеты». Свет неуверенно полз по обоям с разводами. Поднялся в номер. Телефон зазвонил. Паша вспомнил девушку внизу, улыбнулся, снял трубку, прихлопнул ею рычажки телефона, и положил рядом. Встал на колени, оперся подбородком о подоконник, закурил, открыл окно. В комнату влетел сладковатый прогорклый воздух вместе с лаем далеких собак. Над крышами Орла сияло созвездие Орла, завернутое в осеннюю дымку.

Паша достал смартфон и набрал женщину с недовольным лицом и подписью «Люда».

– Але, – послышался заспанный голос.

– Привет! – Паша встал с колен, – Я тебе звонил, ты спишь?

– На часы посмотри.

– Я скучаю.

– Мне на работу рано. Долетел, устроился? Ну молодец. В следующий раз на часы смотри, когда звонишь.

Паша вновь встал на колени вновь и всмотрелся в звезды так, что закружилась голова. Закурил снова – теперь красный огонек сигареты соперничал с далекими, тусклыми солнцами. Лег на кровать прямо в одежде. Закрыл глаза. От прокуренного воздуха закружилась голова. Паша думал о том, что у него начинается странная и новая жизнь. Алена? Об Алене так хорошо мечталось на панцирной кровати. Мысли путались. Паша заснул.

Утром совещание в областной администрации. Паша пришел сранья, ведь отель Советский стоял рядом с администрацией, на той же площади. Зал с лепниной, тесно, девушки регистрируют гостей, на столиках бесплатный кофе в пластиковых стаканчиках. После приветствия губернатора на трибуне появился Мстиславский:

– Когда мы подлетали к Орлу, – сказал, и сделал паузу, чтобы оценили шутку, ведь орел тоже летает.

Пашу вдруг сильно хлопнули по плечу, так, что он даже присел.

– Пашка, ты? – перед ним стоял Вовка Стреляный. – О как! Уже в деле?

– А ты что тут делаешь? – спросил Паша у Стреляного.

– Да шукаю малость, шакалю! Пошли отсюда, водку пить!

– Я же на работе.

– Пятки рвешь по первости? Да пошли-пошли, уже все решили вчера у губера. Ты наедешь на местную сеть «Сапозок», найдешь доказательства, что они вступили в картельный сговор с Исламским государством, запрещенным, к счастью, в России, и всем будет от этого счастье. Пошли-пошли.

Стреляный затолкал Пашу в свой белый «Ауди», машина тронулась, да тут же остановилась у заведения «Берлога».

– Вчера это место открыл, – Вовка рухнул за дубовый стол, подозвал официанта, – Нам по 150 для начала, грибочков там, соленья-варенья, корочка, организуй. Ну, рассказывай, как первые шаги?

Паша мялся:

– Интересно. Задачи большие.

– Правильно, – перебил Вовка, – В нашем деле надо делать по-большому!

Хлопнул рюмку, жадно захрустел огурцом.

– Тут ведь как? Лови, пока ловится. Ой какая пошла, – засмотрелся на официантку, короткая юбка, чуть свисающая попа, черный локон из-под белой пряди, – Вот, понял? А то давай со мной в Москву. На моей машине. Что тебе в самолете чинуш нюхать? Ты только Димке звякни, предупреди. Хотя кто тебя искать будет.

В дороге Вовка спал, Паша пытался завести разговор с водителем, но не клеилось. И Люда опять трубку не брала. Паша вздохнул, прикинув, что в Москве будем часа в три ночи, что Вовка живет далеко, может, завезет, а может, и нет, тогда такси. Что одному в пустой квартире. Что звезд, как в Орле, не видно в столице. И собаки не лают. Москва мертвая. Но Вовка довез до подъезда.

– Ну, бывай.

Утром Паша получил задание – проверить сеть магазинов «Сапозок».

Глава 2. Теленок

На службу Паша приходил без чего-нибудь восемь. Не в рвении неопита дело, говорил он сам себе. Просто Группа была для него все еще территорией стресса. Не привык. Выход за флажки. Каждый день – как прыжок с парашютом. Сранья коридоры Группы были гулки и пусты. Паша стоял у окна, смотрел на московские крыши, потом принимался ходить по кабинету – сидели впятером, столы расставлены причудливыми комбинациями, кому свет важен, кому – чтобы, когда в дверь заходило начальство, монитор чтобы не видел. Смотрел, что на столах лежит. Представлял этих людей. Совершенно других, он таких еще не понимал. Готовился к встрече с ними.

Папка с поручением – синяя, полупрозрачная, со стикером, на котором диминой рукой накарябано собственно поручение – лежала уже у компьютера. Вот в этой папке судьба «Сапोजка». В его, пишиных, руках, сапोजковская судьба.

Дима и не заметил-то в Орле ни одного магазина «Сапोजок», хотя по Орлу побродить успел. А из материалов следует, что сеть знатная. Ну, темно было, наверное. Однако же – Паша снова принялся фантазировать. Мокрый асфальт. Стеклянная витрина. Обувка в витрине. Девчонки работают. Одна, заспанная вечно, стоит в углу, не дозовешься. Другая вроде Алены, только что из деревни, рвет когти, «могу я вам помочь?» Зарплата 10 тысяч по документам, еще пятерка сверху в конверте. Бомж-пакет, «Макдональдс» с подругами два раза в месяц. Что там не так у них?

Вдруг пашин взгляд упал на газету «Вестимости», читал ее коллега, видать, а как коллегу звать, Паша еще и не выучил, он все бурчит чего-то, читает, углубленный чиновник. Газета была открыта на розовых страницах, где про компании. «Столичная сеть „Золушкин размерчик“ начинает экспансию в регионы». Пробежал текст – в Орле, как выяснилось, тоже начинает. Интересно.

Рывком открылась дверь, в проеме нарисовался то самый, что бурчит. Сосед по галере.

– Привет! – Паша просиял, так бета-самец в зоопарке приветствует альфа-самца.

Хотя какой он, бурчащий, альфа. Да и мы не бета, а омикрон. Ну, ладно.

Соседушка сделал мутное движение рукой, как будто раздвинул пыльную портеру, и плюхнулся на стул. Поставил на стол кофе в бумажном стакане. Вынул наушники.

– Я тут у тебя почитал, ничего?

– А, «Золушкин размерчик». Тебе поручили?

– Мне «Сапोजок» поручили.

– Какой такой «Сапोजок»?

– Орловский. Магазины такие.

– А... А мне «Туфли от Фила и Боба», Ставрополь. Ну, давай, за дело. Я внизу видел Руслана, вот-вот зайдет, пора морды геморойными делать. Типо вся скорбь за судьбы отечества застыла в складках ранних морщин.

И погрузился в наушники.

Руслан влетел.

– Так, видел?

От стремительности налета Паша чуть не пожал вместо руки Руслана его галстук. Тот мотался в такт шагам и передразнивал порывистые жесты хозяина. Он жил своей жизнью, это галстук. В пятницу Руслан надевал другие, юмористические. Но сегодня была не пятница.

– Видел, да. «Сапोजок»?

– Срочно принимайся. На все про все три дня. Подключи орловское отделение.

– Я там никого не знаю.

– Заходишь в «Объединенную службу» – иконка справа сверху. Выбираешь адресную книгу, там есть все. Звонишь в этот сраный Орел и накручиваешь всем моторы. Иначе нам тут всем накрутят. Дело на контроле у Мстиславского.

Паша сел за компьютер. Этот мучительный момент. Паша уже приучился, что ничего нельзя делать быстро. Это его Дима научил, сразу. Даже если очень большая спешка – нет, нет и нет.

– Это будет вот так, – Дима взял, вспоминая Паша, со стола бумаги, брезгливо повертел двумя пальцами и положил назад, потом, передразнивая Мстиславского или кого-то еще, процедил, – Мне нужна работа, а не показуха. Что это – за час? Как за час? Марш переписать все нахрен!

Ну ладно, а если не делать быстро – то что делать? Интернет контролируется. Не посерфишь. Этот вот, который ворчит, носит с собой плеер. Паша не любит музыку. Паша любит Люду, а Люда любит Ваенгу. Поэтому Паша не любит музыку. Руслан стеклянными глазами уставился в монитор. Что он-то делает?

– Если я узнаю, как у Руслана это получается, займу его место. Это главный секрет, – подумал вдруг Паша.

И одернул себя – Руслан, как ему рассказывали, в «Молодой гвардии» Едреной России так отжигал, что – хоть и не деффка – катапультировался из своего Хабаровска быстрее скорости звука. Карьерный лифт стал самолетом. Паша так не может. Не тот характер, наверное.

– Мечтательный я, – вслух сказал Паша, вздрогнул, втянул голову, оглянулся – но никто не заметил.

Трое в комнате, пока что два стола пустых, едва девять, в 10 можно будет и в Орел звонить. А здание наполнилось уже – Паша слышал – ритмом работы. Руслан – молодогвардейской закалки, юная смена, имитация наше все, но вообще-то тут, в Группе, не так. В других кабинетах – кучи бумаг до потолка. Секретарь разносит почту – толстенную кипу каждому. Молодая сотрудница вроде Паши стонет – «Как с этим разобраться, тут работы на год, а не на день». Ее поучает более опытная подруга – «Так, что там у тебя?» Вытаскивает из пачки несколько запросов граждан – «Вот этим пенсам, которые жалуются, что цены на молоко и ЖКХ опять повысили, напишешь стандартную отписку – я тебе щас по сети скину. Им лучше ответить, а то вони не оберешься. Вот на эти – обращения написаны не от руки, значит, явно люди помоложе писали – можно вообще не отвечать. Ассоциация хлебопеков жалуется, что электроэнергия и газ опять подорожали – рентабельность в минус уходит, а мы им цены поднять не разрешаем – в печь. Та-ак, вот это интересно, фирма X жалуется на фирму Y. Попридержи, с этим к тебе Василий подойдет, попросит ускорить». «Так может мне щас этим X заняться?» – «Ты что, дура? Пусть придет, попросит, а ты сделай вид, что работы выше крыши, поручения руководства, граждане со своими обращениями одолели, короче никак. В общем, пусть упрасивает, может, и тебе что от X перепадет».

Паша словно видел эти картины сквозь стены. И развлекался рентгеновским зрением несколько минут. Привстал, зачем-то сделал вид, что ну очень писать хочется, даже чуть промежность себе прижал ладонями, как Венера из пены, или как Майкл Джексон – кому как нравится. И рыськом в дверь. Вроде как в туалет. Никому не нужны твои ужимки, Паша, в туалет так в туалет. В Группе туалет был важнее, чем зал собраний. Потому что курилку-то закрыли.

Не в туалет, однако же, направился, а на внутренний двор, где курили. Плюс был в том, что проход туда без карточки, не видит компьютер, что здание покидал. Сел на лавочку, выкурил одну, сразу вторую, он тут приучился паровозиком курить. По луже бродил голубь, брезгливо поднимая лапки, словно боялся замочить перья, а потом как хлоп туда со всей дури. Паша сфотографировал на телефон голубя. Выложил в фейсбук. Выкурил третью. Проверил лайки. Четвертая сигарета не шла ну никак. Все, пора начинать.

Тут же еще та причина была медлить – что надо звонить незнакомым людям и сразу им что-то приказывать. Ссыкотно, если честно, если вот прямо совсем честно – перед собой. Внутренний лифт на полтора человека, продавленные кнопки, скрипучий паркет, ненавистный стол, все, ух, пошел. Иконка. Орел. Галина Викторовна. Короткий номер 1122. Да, вот так – набираешь четыре цифры в Москве, а там звонит.

– Але?

– Галина Викторовна? Это старший специалист региональной службы Павел Корсаков.

На столе засветился смартфон, показалась иконка смурной Люды, Паша едва успел вырубить звук. Иконка продолжала мигать. Смартфон подпрыгивал и вибрировал. Вибрация и прыжки сбили Пашу с панталыку в самый ответственный момент. Черт.

– Павел... э?

– Э?

– Как вас по отчеству?

– Павел Всеволодович.

– Ну вот и славно, Павел Всеволодович. Я внимательно слушаю.

– Галина Викторовна, тут такое дело...

Паша опять замялся, потому что смартфон, едва заглухнув, возобновил прыжки. Люда могла звонить и пять, и десять раз подряд. Надо было брать трубку. Обязательно брать трубку.

– Да?

– Ну вот «Сапोजок»... – Паша сражался со смартфоном, аппарат так неловко повернулся, что кнопка сброса звука отворотилась к стене, одной рукой никак, тогда Паша зажал трубку стационарного телефона плечом, как телефонистка в советском фильме, извернулся, и все же подавил вопли мелодии Ваенги. Естественно, на смартфоне стояла мелодия Ваенги.

– «Сапोजок»?

– У нас есть поручение руководства. Самого высокого руководства. Там необходимы определенные проверки.

– Я сейчас посмотрю... – женщина из Орла ушла в глубины потрескивающего эфира, скоро вернулась, – У нас плановая проверка там через полгода.

– Это срочно. У нас просьба...

– Вы, наверное, недавно у нас, существуют определенные нормы...

– Но...

Люда! Люда, блин! Люда, блин!

– Галина Ивановна, я вам перезвоню.

– Галина Викторовна.

– Перезвоню. Викторовна. Галина.

– Перезвоните!

Паша уронил трубку на аппарат. Уронил голову на руки. Паша потерял лицо. Паша тут же перезвонил Люде.

– Ты что трубку не берешь?

– Работа...

– У меня тут такая ржака! Ты прикинь. Получила тапки по интернету, ну те, помнишь, ты еще не хотел.

– Люд, а...

– Нет, ты прикинь, бабка приносит, ну я доставку на дом заказала, бабка приходит такая ржачная, говорит, а что у вас в посылке? А я говорю – ну давай посмотрим. Она такая – у, ну это для шлюх. Я под столом только в себя пришла. Тебе долго еще?

– День начался только.

– «Начался только». Зануда! Ладно, я к дефкам поехала.

Паша сходил во дворик. Вот черт. Осень наступала – она еще не проникла сюда, в каменный колодец, но успела тронуть листву дерева, примостившегося у противоположного подъезда.

– А что это, кстати, за дерево? Орешник, осина? – мутно рассуждал Паша, выкуривая вторую сигарету.

Надо было идти к Руслану.

– Руслан, а Руслан...

– Что такое?

– Я, похоже, не донес до орловских коллег твое поручение.

– Не доносят пиджак до дыр. Затроллила тебя Галя? Ладно, слушай, как надо.

Руслан играючи взял аппарат. Руслан изящно примостился на краю стола. Ловко поставил агрегат на громкую связь. Он делал все весело и красиво. Его черные прилизанные волосы блестели в лучах вечных, даже днем горящих, офисных ламп.

– Галя?

– Руся? – на том конце провода забулькала, что означало крайнюю степень лояльности бальзаковской дамы к выдающемуся представителю молодого поколения.

– Галя, утренник!

– Поняла! Это про то же, про что ваш теленок звонил?

Паша почувствовал, как загорелись щеки.

– Это наш новый сотрудник. Его надо любить. И он полюбит тебя.

– Нам тебя достаточно!

– Никогда не говори «достаточно».

Руслан торжествующе бросил трубку. Он был похож на певца Сюткина в годы, когда «оранжевый галстук» он исполнял еще с огоньком и периодически забывал слова.

– Утренник? – спросил Паша.

– Детский, ага.

Паша вернулся за стол. Принялся изучать поручение по «Сапожку». Никакой конкретики – ну, столько-то магазинов. Ну, такой-то охват рынка в Орле, еще где-то. К вечеру Паша выучил папку с «Сапожком» наизусть.

Под вечер, часов с 16-ти, в офисе начиналось томление. Народ поглядывал на часы. Над каждой дверью висели часы, и, чтобы лицезреть стрелки, достаточно было поднять голову. Однако же поднимать голову слишком часто считалось неприличным. Трусливых выдавали едва заметные движения шей и белков глаз в сторону часов. Смелые и продвинутые решали проблему радикально. Вот, встал решительно, сгреб бумаги:

– Мне в министерство.

Другой:

– Ой, совещание у руководства.

Совещавшихся у министра и у руководства можно было застать в соседнем кафе «Греза». У «Грезы» как раз после 16-ти шла масть. Потому что сотрудники Группы сидели за столиками с представителями тех самых фирм X и Y. Представители не скупались, официанты и повара старались. Живая рыба в аквариуме была уже пройденным этапом, чем бы еще удивить, думали в «Грезах», а потом решили просто поднять цены. Потому что клиент и так идет. Куда денется. В «Грезах» не было прослушки, это знали все. Вот это важнее живой рыбы.

Но Паша был пока в другой человеческой категории. Той, что не могла сослаться за совещания, да и на переговоры с фирмами Пашу пока никто не звал. Для таких оставалось мощное движение мысли, напряженность работающего головой лица, и золотое правило – «18 часов ничего не значит». Никто не вставал и не уходил в 18 часов.

Потом наконец кто-то поднимался (обычно это был сегодня один человек, завтра другой, подряд нельзя), собирал вещи, и слегка виновато:

– Ну, я пошел.

– Давай, – кивал Руслан, не отрываясь от монитора.

Руслан все-таки счастливый человек. У него есть работа, реальная работа, и она его штырит.

За первым с некоторым гэпом шел второй. Руслан всегда оставался последним. Они снимал наконец пиджак, вешал на спинку стула, зажигал винтажную лампу, и становился похож на Троцкого, продумывающего план наступления на Госрезерв США. Когда уходил Руслан, никто не знал.

Паша снова ночевал один. Люда загулялась. По телевизору рассказывали, как в Америке выращивают нефть из дрожжей. Надо же, из дрожжей, думал Паша, засыпая, сквозь веки какое-то время проскальзывали блики из окна, потом все окуталось черным. Закончился еще один день.

Глава 3. Занзибар

Свет ворвался в глаза.

– Цуцик!

Люда пришла? Паша секунду висел в несуществующем пространстве, где догорали и таяли остатки сна – а снились ему какие-то поросята. Железные поросята. Железные так, что сшиты из листов сурового железа. Собранного заклепками. Они стояли и смотрели на него. Но это были уже глаза Люды.

– Людок...

– Людок распусти шнурок! – взвилась от кровати, прошлась голубем, – Матрос, люби мене! Юбку клеш купи мене!

– Где набралась?

– С дефками.

Чотко разделась, в два движения.

– Ну что там с твоими тапками? – спросил Паша, когда курили на балконе и смотрели на звезды, тусклые невнятные звезды московского неба, на Большую Медведицу наползло отражение от вывески магазина «Дети», – Ой, Арктур заходит!

– Артур? – изогнулась, приобняла.

– Арктур. Звезда.

– Твой шеф тоже звезда.

Ну какой он мне шеф, думал Паша, он где-то там, между кулером, губернатором и президентом России. Это странное чувство...

(с) – подумал Паша при словах «странное чувство».

Когда ты видишь человека, здороваешься, он тебе даже кивает головой, он тебе даже жмет руку, но он уплывает туда куда-то, в бездны высшего общества, а ты остаешься здесь. Как будто звездой поцелованный. Зачем ты здесь? Ну а кому ты нужен там? Ну а кто кому нужен там? Никто никому, тем не менее, они там, а ты тут.

– На руках осталось тепло руки федерального министра, а у ворот гаража встречает шпана, зажигает канистру.

Рэп. Господи, как меня опьяняет секс. И хорошо, что редко. Как жалки, как бессмысленны унылые женатики, которые и редко, и вяло, и по принуждению – ну как же, я же муж, у меня супружеский долг.

– Меня стаааашнит! – крикнул Паша, и его звонкий голос отразился от бетонных кишок города.

– Кто пил? – соловые глаза подруги сверкнули в свете фонарей.

Банально – «кто пил», юзано, сто лет в обед, но с ней... Паша резко затушил сигарету.

Потом пили чай.

– Ну ты как? – вдруг спросила она.

– Ну так...

Вот именно сейчас говорить о том, как ты нелепо, не вовремя позвонила, да ты меняй свои привычки... Ну нельзя так делать. Вот просто нельзя, и все, неба твердую гладь ломать. Зачем ломать, надо делать, надо строить, надо жить, еще тридцати лет нет, радость, свобода, кайф.

Паша расправил плечи, отчего под его локтями поехала клеенка – вроде как скатерть на столе. Но если есть в кармане пачка сигарет...

Пачка-то есть. В том-то и дело, что с пачками никаких проблем все это время. Как супчик на пароходе из Парижа, приносит почта тифельки «для проститутки» откуда-то из Китая

через Сан-Франциско и Порт-Саид в Москву. Но все очень плохо на сегодняшний день. Паша посмотрел на полную Луну, Луна лыбилась в потрепанное окно.

– Что щеришься?

– Нет, ты прикинь, я тут на фитнесе познакомилась с негритяжкой. Но их так нельзя называть. Только «черненькие». Они на это не обижаются. И она такая – а вы где отдыхали? Ну я такая – ну в Турции.

Турция, ну как же, Паша даже привстал. Только что познакомились, вот этот вечный страх «даст-не даст», а тут набрался наглости, «полетели», а она – «полетели», ну и прилетели, а уж я-то расстарался, и отель-то такой-сякой, и номер-то не пальцем деланный, ну уж не знаю даже, оценит она это или раньше лучше видела, а только заходим в номер, валю ее на кровать, употреблял все скудные усилия, через пять минут с влажным чмоканьем:

– Добро пожаловать в Турцию, дорогая!

– А она мне – Турция? Вы не были на Занзибаре? А я такая – а это где? Ну оказалось, у негра в жопе!

Засмеялась, закашлялась, сама себя похлопала по груди, волосы спустились на комбинацию, «комбинация», мой Бог, так говорили раньше, и это вовсе не про группу, хотя теперь никто не знает, что это такое, группа Комбинация, и в шахматы никто не играет, Гад, не в том смысле, что «гадина», а как у протестантов, у «Сторожевой башни» – «Гад!». Почему я пьянею от нее, от крашеной, от вульгарной, от.

– Занзибар?

Луна уже зашла. Она заходила мучительно, порылась красной коркой, скукожилась, и тут ей предстояло самое страшное испытание – контур 16-ти этажки, она и так, и сяк, но ее заглазывало все глубже и глубже под горизонт. Сколько времени? Так в Москве не говорят.

– Так в Москве не говорят.

– Так? Как?

Она не пойдет завтра на работу, потому что она не работает. Ей так нравится. Она делает то, что ей нравится. Она женщина. Женщины как будто из другого вещества созданы. Словно из более качественного, что ли. Ну это как будто вы купили Диор в Каире на экскурсии, или в бутике в Париже, вот мужик – это про Каир, а женщина – это за Париж. Но их не купить. Ну то есть можно. Но это не то.

Паша засыпал.

– Так вот! – резко в голове, оторвался от клеенки, сидит, стряхивает унылый пепел куда попало, а куда не попало, туда не стряхивает, – Занзибар, короче, тема. Всесезон. Копейки внутри, лишь бы перелет оплатить. У меня все визитки. Козлик, ну мы же полетим, да? Мы же сможем?

Когда Паша проснулся, ее не было. Отвратительным визгом впился в висок высокий назойливый звук будильника. Здравствуй, новый день, «дни поздней осени бранят обыкновенно», ни разу не поздняя, а бранят.

Глава 4. Новый поворот

Дорогой на работу Паша пришел в себя от бессонной ночи полностью. Метро бодрит. Он стоял, опершись подбородком на руки, которые, в свою очередь, сжимали поручень, и смотрел на рекламу – а куда еще смотреть? Досталось бы место – читал бы, а так руки заняты, ноги периодически тоже оказывались заняты чужими ногами. Пару-тройку станций Паша думал о том, что разместить рекламу в метро – лучший способ сделать твой товар ненавистным. Потому что товар теперь будет ассоциироваться с вонью и давкой вагона. Впрочем, именно этот товар был ненавистен изначально: на рекламном плакате была женщина в бигудях и с пилой, и задрюченный мужчина. Смысл в том, что раз жена – так непременно пилит, и удовлетворить ее можно только деньгами. А денег нет – надо брать кредит. Так, мол, устроена жизнь. Паша помечтал, как они поженятся с Людой, поедут в Икею, и купят милые пустяки для комфорта. Ему представилась почему-то зима, тихий ровный свет в крошечной комнате, мягкий бархат ранней ночи за окном. Это были последствия пережитого в ночи, конечно же.

По мере того, как биохимия молодого здорового организма брала свое, Паша перешел во вторую стадию рефлексий – у него появилась вдруг энергия. Ух ты, ах ты, чем не космонавты. Паша вспомнил, как он узнал, что есть возможность пойти на госслужбу. За несколько секунд в голове провертелся калейдоскоп – чиновники Петра Великого, мечтавшие о благе России, доблестные красные комиссары, спасавшие детей от голода, мудрые косыгинские проектеры. Да! Что это за странная робость? Ну да, в Группе полно офисного планктона, который живет от звонка до звонка, любит среду, обожает пятницу, и ненавидит понедельник. Но я не ради этого пришел! Не ради того, чтобы «пересидеть». Я пришел делать великие дела. И пусть пока мне не по чину... хотя что значит не по чину? Вон Аркадий Домкович – молодой, это мягко сказано. Стал замминистра, приходит в министерство в первый день, а гардеробщица – «мальчик, вы к кому»? И поди ж ты, какие высоты, какой размах, какая ответственность и масштаб задач. Я даже постарше его буду, если брать момент его восхождения. Смелость, озорство, порыв!

Смелость и озорство, правда, несколько растворились при виде массивных дверей Группы, в них вливались люди с блеклыми лицами, на которых запечатлены были страдания и муки. Вот молодая женщина стоит у турникета, ищет пропуск. Вроде как все при ней. Длинные ноги, высокие туфли, тонкие колготки, элегантный плащ, макияж, некоторый перебор парфюма, что простительно ранним утром. У нее в руках ключи от машины. Она пытается этой рукой искать пропуск, в другой держит айфон:

– Нет, ты подумай, какая сволочь... Меня это не устраивает!.. Я так и сказала, да – будешь грабли свои распускать – женушка твоя кровавыми слезами заплачет.

Паша смотрел на ее лицо, и не видел в нем ничего, ужаса и страха. Это странно, но это потому, что она поставила ад впереди себя, потому что допустила ад внутрь себя, думал Паша. Нравится ли ей эта работа? Конечно, перед подружками бахвалится – госслужба, все дела. Но на самом деле – нет. От госслужбы ей нужны понты, и гаишнику корочку показывать. А если идти на нее с высоко поднятой головой.. Паша расправил плечи. Смелость и озорство не вернулись, но порыв остался.

Порыву оставалось жить минут 10. В комнату ворвался Арон Ашотович, управление внутренней безопасности

– Корсаков, вы ездили в командировку в Орел?

– Да.

– Вы почему ночевали не там, где все?

– Ну, так получилось.

– Пойдемте поговорим.

В небольшом кабинете Арона Ашотовича было сумеречно, на столе стояли пирамидки из Египта, на стене висели африканские маски.

– Вы должны понимать, что вы чиновник. Ваше отсутствие в делегации могли расценить как попытку наладить контакты с противной стороной. То есть попытку подкупа вас. Или, что хуже, вашу попытку получить взятку у неустановленного круга лиц.

Паша сначала что-то пытался объяснять. Но объяснить ничего было нельзя. Потому что невозможно объяснить тот шок, который его накрыл – ну хотя бы потому, что и не шок это вовсе, а так. Сопли. Что невозможно Люду сюда приплести – а без нее никак, не сложится пасьянс. Ту девочку-официантку, кстати, как ее звали? Алена, кажется. Нашлась только часть правды, которая годилась для вынесения на люди, и Паша ее вынес:

– Хотел посмотреть Орел. Изучить, так сказать, место будущих побед.

Арон Ашотович понял, что перед ним романтик, вздохнул. С точки зрения Арона Ашотовича, все города были говном. Москва тоже была говном, но тут хотя бы платили. Смотреть на Орел так же глупо, как смотреть на Иркутск. В Париже можно ни на что не смотреть, а просто дышать, это Париж, детка, ну а Орел, это не та птица, чего уж там. Арон Ашотович понимал, что главное в жизни – это нужные люди, а на улицах Орла или Иркутска люди ненужные. Нужные люди были там, откуда Паша сбежал, даже официантка, про которую ему так и не рассказали, была бы признана отчасти нужным человеком. И, поругивая Пашу, старый номенклатурщик старался на самом деле не про взятку выяснить – да какая тут взятка, посмотрите на этого телка нелизанного, а уму-разуму немного научить. С другой стороны, чем черт не шутит. Занесут ему взятку, пусть плеваю, а он даже не знает, с кем делиться. Но про такое не расскажешь просто так. Это надо, чтобы занесли, чтобы руки пашины уже были бы вымазаны, и тогда, играя на его причастности к делу, можно научить правильным кабинетам и темным коридорам Группы. Все это бегло и нехотя обдумывал Арон Ашотович, вслух бубня обычные для такого случая мантры.

Событие несколько подкосило пашин дух, но, когда он вернулся в комнату и увидел кислые рожи сослуживцев, дух по принципу противоречия воспрял. А тут как раз из Орла позвонили, Галина Викторовна, на этот раз никакого металла в голосе, курлычет в трубку:

– Павел? – бархатный голос бальзаковской женщины, – Очень приятно. Как у вас погода?

Так в разговорах о погоде проходят бесцельно дни, думал Паша. Но о погоде рассказал. Занзибар, Занзибар.

– Мы провели утренник, все хорошо, предварительные материалы посылаем.

Сленг – самое сложное в любой профессии. На самом деле, в профессиях, как правило, вообще ничего нет сложного. Надо только освоить птичий язык, на котором говорят носители профессии. Так журналист идет рубить хвост, и несведущие думают, надо же, какой хвост? А журналист механически отрубает буквы, которые не влезли в отведенное в газете место. К черту детали. Паша не знал про хвост, но хуже, что он не знал и про утренник, не спросил.

– Вам уже завели корпоративную почту?

Конечно, завели, тут это быстро.

– Присылаю. Ну а вы там приведите к формуляру и согласуйте.

Как приводить к формуляру – Паша уже знал. Положив трубку, взял за жабры Руслана, и выяснил, что утренник – это незапланированная утренняя проверка. Вот так все просто. Законы ограничивали Группу в возможности проводить плановые проверки. Но стараниями Мстиславского были придуманы ходы, чтобы проверки все-таки проводить тогда, когда надо, рассказывал Руслан. Внеплановые проверки проводят внезапно, утром, поэтому называются они утренники. Вот так все просто.

Пашу поразило, как быстро сработали орловские коллеги. Вчера только был разговор по телефону – сегодня уже навестили целую сеть магазинов, и вот уже, не прошло и трех часов, прислали предварительные материалы.

Материалы, правда, оказались несколько сумбурными. Львиную долю их составляли итоги заседания в Орле, а наблюдения за самими магазинами были, мягко говоря, лапидарными. Но то, что следовало из дела, привело Пашу в ужас. Он вышел покурить на двор, но уже не подавленно, как в прошлые дни, а скорее чтобы скинуть лишнюю энергию. Голубь не появился.

«Сапожок» оказался той еще конторой. Ну в самом деле. Около центрального магазина нет поблизости других обувных магазинов. То есть гражданин не имеет выбора, брать или в «Сапожке», или нигде. Правда, магазин на окраине Орла располагается возле рынка, где обувью торгуют. Но он грешит недостоверной рекламой – «Дешевле чем на рынке», гласит рекламный плакат, а на рынке можно встретить вьетнамки совсем дешево. В «Сапожке», правда, вьетнамок нет, но ведь это тоже обувь! Также в виде справочной информации сообщалось, что у магазина ранее были выявлены налоговые нарушения, дело давнее, и нарушения были устранены, но осадок остался. Среди учредителей затесался гражданин Литвы. Также в отчете орловских коллег фигурировала фраза про ужасные условия в офисе «Сапожка», кулера нет, туалет грязный – конечно, тут нарушение на нарушении, и страну от таких горе-бизнесменов надо чистить.

Так вышло, что обсудить ситуацию с Русланом удалось только за обедом, до обеда Руслан где-то бегал. Паша пришел в столовую, встал в очередь с подносом, цены в столовой Группы его не переставали радовать, хотя разнообразным питание трудно все-таки было назвать. Когда он отходил от кассы, потратив 120 с чем-то рублей, Руслан – тот уже сидел – приманил к себе.

– Кетчуп бесплатный, круто! – поразился Паша, пока Руслан жевал, чтобы завести разговор.

– По «Сапожку». Тебе уже звонили?

– Из Орла?

– Из Орла-то понятно. Тебе из приемной не звонили? Мстиславского? Быстро сооружай и вперед. Это твое первое дело и твой трамплин. А то на помещения «Сапожка» уже инвестор копытом бьет.

– Как так?

– Ну так.

– Ну ты поясни же.

– Ну а что пояснять. Делай быстро, а то помещения пора освобождать.

– Конечно, пора, там столько нарушений. Туалеты грязные, реклама врет.

– Вот-вот. Это удача – только начал работать, и такое громкое дело.

Вечером Дима Великанов пригласил Пашу посидеть-выпить чаю. Сидели в клубе рядом с офисом Группы, клуб пока еще работал просто как ресторан, ценник поэтому был приемлемым, а офисные работники удачно разбавляли немногочисленных ранних тусовщиков, пришедших занять места в ожидании вечерней программы.

– Прижился? – интересовался Дима, – Как тебе в клоаке?

– Почему в клоаке?

– Ну, здоровая самоирония. На самом деле, нас загнали, конечно, как рабочих лошадок. Я бы не сказал, что у нас высокие зарплаты. Да ты и сам успел это понять. И нас мало, по всей России несколько тысяч человек. Ты удивишься, сколько в стране федеральных структур, которые могут сократить тысяч сто сотрудников, и еще тысяч 30 останется. При этом только штрафов мы выписываем в год на десятки миллиардов. Мы возвращаем в казну явно больше, чем тратим на себя. Ну и где благодарность? Мы даже не министерство. Хотя давно переросли по многим параметрам любое министерство.

– Вот как.

– Для тебя это прекрасный старт и чудесный челендж. Говорят, ты хорошо размялся с каким-то третьестепенным делом.

К моменту разговора Паша, подгоняемый пожеланиями начальства, уже отдал материалы по «Сапожку» наверх, и ему сказали, что он может забыть про обувь, про Орел и про то, что ночевал не там. Ну и про то, что во время первого телефонного разговора мямлил. С кем не бывает.

– У меня на тебя планы хорошие, – продолжал между тем Дима.

Ценность диалога заключалась еще и в том, что Дима потреблял морковный сок, и сказанное никак не могло идти по категории «пьяного базара».

– Я хочу тебя наверх немного двинуть. Не удивляйся, что так быстро. Просто у нас молодая динамичная команда, мы растем тут стремительно.

У Паши в голове заколосился образ молодого замминистра Аркадия Домковича, появился в мечтах отдельный кабинет, чем черт не шутит – секретарша, а главное: он и Мстиславский идут к президенту, Мстиславский впереди, Паша сзади несет бумаги, а в бумагах правда такая подлинная, факты такие убийственные, что страна меняется на глазах, и где ступили они на ковер кремлевской дорожки – там цветы расцвели.

– Быстро растут, и быстро падают, – продолжал меж тем Дима, переходя не к самой приятной части беседы, – Ты иллюзий не питай. Обкакался тут у нас один начальник отдела. Бросили его на компанию одну, компания дрянь, если честно, собирает бабки с людей под 20% в месяц, ну и, конечно, кидает. Ему же поручили расследовать побочный бизнес этой компании, торговый. Он взялся с жаром, а так вышло, что во главе компании стоял человечешка со связями. Академия ФСБ все дела. Он с Мстиславским быстро договорился. А сотрудник-то и не знал. Ему мягко намекают из приемной Мстиславского – стоп машина. А он не понимает. И даже умудрился выступить на коллегии с критикой руководства, мол, я авгиевы конюшни чищу, а свои мне мешают. Нарушение регламента налицо. А мы терпеть этого не можем, потому что Группа помимо прочего еще и самая высокоорганизованная структура во всем госбардаке. У нас тут не министерство природных ресурсов и уж точно не минэкономразвития, это чтобы ты понимал. Так вот, местечко свободно будет с понедельника. А утром завтра решать будут.

Паша, конечно, знал, что в Группе за год дорастают до начальника отдела люди, пришедшие с улицы. Но он-то не пришел с улицы. Он не мог похвастаться опытом работы, однако же, Дима его привел, Диму он не подвел, и теперь, наверное, Дима знает, что говорит.

– Тут мне помог твой «Сапожок», уж очень ты ловко, – добавил Дима.

– Не так уж и ловко.

– Сразу увидел, что надо, а чего не надо, того не увидел. Точнее, я уверен, что ты увидел все. Но ты не задал лишних вопросов. Это очень ценно, не задавать вопросов.

– Ответы были в бумаге.

– Ну хорошо.

За соседним столиком сидела девушка, она рассеянно смотрела по сторонам, и у нее тряслись руки. Она ждала, когда в клуб подтянутся пушеры, и предложат ей избавление от страданий. Паша смотрел на нее, и начинал испытывать странное чувство – чувство превосходства себя над нею. Это было необычно. Вообще-то Паша считал себя человеком из народа, и готов был ставить знак равенства между собой и последним забулдыгой. И у него были ошибки, и у забулдыги были. Забулдыга меньше работал, нежели Паша, но ему мешала среда, а Паше среда помогала. К тому же – если эту девчонку брать – Паша готов был сознаться сам себе, что она живет даже более интересной жизнью, чем он. Паша вкалывает и мечтает о славе и деньгах, не имея ни того, ни другого. А девочка трахается с кем попало – Паша тоже так хочет, но не получается. Она тусит всю ночь – Паша идет в кровать, и не дай Бог Люда узнает, что он тусил. Паша сам себя окружил какими-то условностями, какой-то ответственностью перед другими, причем сначала эти «другие» ничего такого от Паши не просили, а потом с радостью

приняли игру и стали его контролировать, как будто так и надо. А она клала на всех с прибором, и наслаждалась жизнью. Вот сейчас пушера только дождется...

Но вот именно сегодня, в эту минуту Паше показалось, что он взлетает куда-то ввысь, а она остается внизу. И что там, наверху, у него будут не только визиты к президенту, но и какая-то другая, принципиально другая жизнь, не проститутки, не наркотики, там покруче наркотиков вещи будут, это как если ты Королев, и у тебя летит ракета, какие наркотики.

– В Орле, кстати, тоже перемены скоро, – бросил Дима, уже ожидая счета, – Девочка наша из тамошнего отделения взяла бабки, да сдуру стала с судьей делить. Хотя судья, знаю я его по касательной, мог бы и так подмахнуть. Ну или не подмахнуть – с девочки какой спрос? В канаве давно никого не находят. Ну как-то там вскрылось, я не знаю деталей. Это чтобы ты понимал, почему твоя ночная прогулка вызвала такой интерес.

Они уже стояли на улице.

– Хотя я сам романтик! – произнес вдруг Дима, – Я же понимаю, мокрый асфальт, свет фонарей. Ну, бывай.

Паше снились в ту ночь какие-то наркотические картинки. И козел какой-то. Ну то есть животное. С бородой, все дела.

Глава 5. Другие взоры

– Ну а начальником чего ты будешь? – допытывалась Люда.

Паша звонил ей всю ночь, но она не брала трубку. Теперь перезвонила, когда Паша стоял уже на входе в офис Группы.

– Как ты не спросил? Ну что за глупость? Хотя какая разница. Постой, а оклад какой? Оклад-то спросил?

Паша стал что-то невнятное рассказывать про систему оплаты труда на госслужбе: оклад не так уж важен, он небольшой, зато премии, зато коэффициенты, зато пенсия, наконец, можно поехать куда-нибудь отдохнуть за небольшие деньги. На вялом пассаже про дешевые обеды Люда перебила:

– Ну что ты за лох такой. Быстро иди, узнай, что там по деньгам.

И положила трубку. Паша попрощался уже в гудки.

А в Группе Руслан встретил его, конечно, уже совсем не так, как прежде. И по плечу похлопал, и «старик», и немного иронии по поводу того, «как наши люди растут», но главное не ирония, а чувство классовой солидарности, все уже знали, хотя не было ни единого документа, что Паша – начальник отдела. Какого-то.

К полудню вызвали к Мстиславскому. Секретарша, выдержав гостя минимальные пять минут, дала сигнал – проходите.

Паша открыл первую дверь, аккуратно закрыл ее, и оказался в совершенно темном предбаннике. Если бы в этом предбаннике была еще черная кошка, или располагалась черная дыра, в которую можно было провалиться, а можно не провалиться, потому что черная дыра вообще-то маленькая. Если бы черная кошка иногда проваливалась в черную дыру, это было бы хотя бы смешно. Но Паше было не смешно, потому что он искал ручку на той двери, что вела в кабинет, и в темноте не находил ее. Через минуты две секретарша открыла дверь со стороны приемной:

– Вы что тут копаетесь?

– Да я вот...

– Тут же просто все! – секретарша сделал улыбку, ну как будто «иди сюда, мой дурачок, не бойся моих сисек», и нажала какую-то ручку сильно ниже роста человека.

Деморализованный Павел оказался внутри. И тут же деморализовался еще более. Огромное пространство. Русское поле полированного дерева и штучного паркета. И где-то вдалеке – как будто парит трон. Конечно, это не трон, а стол на возвышении. Но свет сделан так, что как будто трон парит. И на этом троне сидит Мстиславский, и на посетителя внимания не обращает.

Паша постоял около минуты. Не заметить его шумного появления было невозможно. И не заметить его слегка всклокоченную в борьбе за дверную ручку голову в принципе тоже. Но его не замечали. Как-то глупо кашлять в такой ситуации. Как будто факт, что ты кашляешь, что-то изменит. Даже как-то умнее было бы спеть. Но и это, по большому счету, глупо.

Наконец минуты через три Мстиславский поднял голову.

– А, ты? Проходи.

Паша сделал несколько шагов.

– Люблю молодежь. Рвешь подошвы. Идея с красноармейцем вообще прекрасная. Ладно, ставим тебе лайк. Да?

– Конечно, если Вы считаете нужным.

– Ты сам-то как, готов?

– Постараюсь.

– Не слышу звериного рыка! – Мстиславский откинул бумаги и распрямил жирную грудь, – Ты вообще понимаешь, что сейчас произошло?

Паше пришлось признаться, что он все понимает. Но Мстиславского мало волновала обратная реакция. Мстиславский оседлал лошадей.

– Мы номер один в стране. Вот я капитан этого грандиозного корабля, – Мстиславский провел рукой под носом, где у него было гладко, как на попе младенца, погладив несуществующие усы, – Я тут у штурвала. Но я вижу все. Что на палубе. Что в машинном отделении. Что с парусами, что с веслами. И так уже много, много лет. Потому что нам доверяют на самом верху. Потому что доверяют мне. Потому что мы цепные псы государства. Все предадут. Предаст минэкономразвития, там вообще и суть предательская, и сидят предатели. Кинет Минфин, потому что Минфин всех кидает. Они вялые. Они вороватые. Они неорганизованные. У них нет цели. У нас цель есть. Один капитан, одна цель, одна нация.

– Нация-то тут причем, – подумал ошеломленный Паша, хотя упоминание о нации его странным образом подбодрило.

– Я со своей стороны... – промямлил Паша, но вставить в речь Мстиславского не удалось.

– Мы как Гидры со ста глазами. Мы видим все. Много врагов у верховной власти. Ты даже не представляешь, какие бывают хитрые ситуации. Вот эти хозяйствующие субъекты... – Мстиславский поднял со стола папку и показал Паше, на папке было написано «Фирмы, зарегистрированные в РФ гражданами Украины», – Ты думаешь, они хозяйствуют? Они просто субъекты. В том смысле, в каком шпионы субъекты. Те еще типы. Никто этого не понимает. Мы понимаем. И ты становишься членом нашей команды.

Паша покраснел.

– У меня тут дверь открыта, – Паша чуть не хохотнул, вспомнив свою борьбу с дверями, – Идеи, мысли – сразу ко мне. Лично. Я люблю молодых и красивых духом. Поговорим, все утрясем. Хорошо?

Мстиславский неожиданно вышел из-за стола, спустился с подиума и стал роста, сопоставимого с пашиным.

– А если вдруг узнаешь, что кто-то берет... – Мстиславский снизил тон до доверительного, – Так сразу ко мне. Понял? Сразу. Лично. В любое время. У нас тут с коррупцией строго. То есть ее просто нет.

Паша вышел из кабинета, а под ногами плыл пол. Он победно посмотрел на секретаршу, видевшую его позор. Он теперь не просто. Он ого-го. Он может зайти к Мстиславскому. В любой день. В любой час.

Кстати, а что там такого с красноармейцем, которого упомянул Мстиславский? – Паша через несколько часов вернул себе способность думать. Ну да, в материалах утренника фигурировала реклама «Сапожка», на которой был изображен тот самый из «Ты записался добровольцем», только «А ты купил обувь?» Ну и несколько слов о том, что реклама неуместна. Потому что это красноармеец, память и ветераны, которых оскорбляет решительно все. Паше показалось странным этот пассаж в материалах, потому что этот красноармеец что только ни рекламировал, но в финальном отчете он это оставил.

– Все только и говорят про твоего красноармейца! – это уже Дима, и он тут как тут.

– А что тут такого?

– Да клево, креативно. Сам придумал?

– Было в материалах.

– Глупый, на такие вопросы надо отвечать «сам». Потому что это твой капитал.

– А разве можно придумывать такие вещи?

– Никогда так не делай! – саркастически заметил Дима.

В обстановке свинячьего восторга работалось плохо. Паша свалил пораньше – и даже не спросил, можно или нет, его, кажется, даже проводили одобрительным гулом. Но какого отдела я начальник-то наконец? – спохватился он уже на улице.

- Дима, привет.
- Привет, по рюмке сегодня?
- Норм. Вчера ты пил морковный сок.
- Сегодня есть повод. Афера с тобой удалась.
- Афера?
- Ладно, в 19 в ресторане «Мадригал».

Ресторан был недалеко. Паша погулял по скверу, сел на скамейку. Мимо проходили люди, кого-то из них тоже когда-то повысили, может даже сегодня. Кого-то может быть уволили. А кого-то не продвигали вверх никогда. Это ведь такая странная штука, карьерный рост...

С неба принялась капать мягкая жижа.

Такая странная штука. Взять Селигер. Туда со всей России приезжают мальчики и девочки. Приезжают из страшных дыр. Они грызут в своих дырах глотки товарищам, чтобы туда поехать. И когда они там оказываются, то готовы уже решительно на все. Переспать с куратором – если ты девочка, хотя зачем такое ограничение, мы же современные люди – это сушая ерунда. Красть, и прелюбы творить, и друг друга обманывать крепко, как сказал древний поэт. Например: привести охранника к палатке, когда твоя соперница занимается сексом с куратором. Куратору-то ничего не будет. Так вот, на все это они идут, в надежде, что Селигер обернется белоснежным социальным лифтом. Который умчит в волнующие дали.

Но штука в том, что нет такого набора действий на Селигере, которые гарантированно вызывают этот лифт. Все это можно делать, и ничего не получить. Обратное, кстати, неверно – если ничего не делать, точно ничего не получишь. И вот девочки и мальчики лезут в это дерьмо, купаются в нем, но как же чувствуют себя те – а таких большинство – кто просто остается в дерьме, и в нем возвращается к себе домой?

Паше не пришлось ничего такого делать. У Паши есть Дима. Он просто понравился Диме, и Дима его двигает. Нормальная история нормальной страны. Ну про страну не будем – Группа, нормальная Группа, идеальная госконтора в этом море коррупции.

Люди, люди... В принципе это штырит – спасти человечество. Но вот этого конкретно спасти не хотелось бы. Идет, шатается, хотя не пьяный, видно, что уже организм изношен. Глаза бессмысленные. Шарф по ветру. А может, спасти, жалко же. Потом и меня кто спасет. Хотя меня-то зачем? Фортил теперь, будет фортиль и дальше. Нет, останусь добрым. Останусь со своим народом. Простите за пафос. Идет собака. И тебя спасем! Погладил бы, но Паша боялся собак.

Люда звонит. Не стал брать. Имею право. Потому что будет спрашивать про зарплату. А я даже название отдела не знаю.

В «Мадригале» было вычурно, как у Бахчисарайского фонтана в погожий день эпохи развитого феодализма.

- Отдела пока нет, – вводил в курс дела Дмитрий.

Взяли по 50 виски, потом еще по 50, Дима хлопнул, Паша не успел еще и первую рюмку допить.

- А будет?
- Ну раз ты уже целый руководитель, так непременно будет. Тут такая штука. Дима взял сельдь и закусил ею, потом сразу обрезком спаржи.

– Вроде как есть тенденция, чтобы контроль был опережающий. Поиск говна на ранней стадии. Но непонятно, как это формализовать. Петряков пытался под свой департамент это подгрести, потому что Мстиславский по первости будет такой отдел холить и лелеять. Казалось бы, кто я перед Петряковым? Не тот вес. Но я же хитрый.

Пришел гитарист, стал перебирать струны. Будет живая музыка.

– Так вот, но я пошел по пути инноваций. Я представил дело так, что ты в Орле двинул в самоволку, чтобы добыть некие уникальные сведения про «Сапожок». В том числе нарыл про

этого красноармейца. Ну а дальше дело нехитрой аппаратной техники. Служебная записка, дескать, современный сотрудник с профильным образованием и инновационными наноподходами – уже сам по себе готовый отдел.

– А что я без году неделя?

– Мстиславский же не помнит, как только что тебя утверждал на низовую должность. Для него мы все ну так... как пыль, как утренний туман.

– И что мне теперь делать? – Паша был немного уязвлен тем, что его триумф для кого-то вроде Мстиславского – и не триумф вовсе. И вообще, все как-то византийски получается.

– Да ничего. Придут кадровики, скажут, какие бумажки заполнить. Счет, пожалуйста!

Спал один. Занзибар-Занзибар, куда ты делся?

Глава 6. Прошел месяц

Павел любил утро. Он приходил, как и прежде, немного пораньше, но совсем по другому мотиву. Эстетическому. Он наслаждался массивными дверями Группы – пока народу не было, можно было рассмотреть бронзовые ручки, разводы дерева. Особенную радость доставлял ему кабинет. Утром Павел расставлял на полке книжки и буклеты – буклеты приходили сами, книжки тоже иногда сами, но он принес еще и из дома.

Павел сдружился с Русланом уже как с ровней. Хотя цинизм Руслана несколько коробил. У Павла наступило охлаждение в отношениях с Людой – зарплата в самом деле ее не порадовала, а он и предупреждал, ну что же, пусть подумает, что ей важнее, он или его зарплата. В конце концов, они даже не женаты! Хотя какая разница. Если женщина хочет взять свое, она возьмет свое. И попробуй не дай.

Паша пробовал ездить на такси. Но Дмитрий объяснил ему, что нельзя. Вот жди, мол, пока дадут машину с водителем. Паша ждать не хотел, и, хотя водить не умел, присматривал себе машину.

– Вот, Ауди хвалят, – как-то сказал он Диме, выдав этой фразой, насколько он не разбирается в машинах, надо же, новость, Ауди хвалят.

– Ты что, и не вздумай! – Дима даже очки снял. Он носил иногда очки.

Дима объяснил, что Мстиславский, может, многого не видит. Но то, что назначил человека месяц назад, а он уже на Ауди – увидит. Лично увидит.

– Так я же в кредит!

– Не надо в кредит. Не суетись. Что тебе это метро, подошвы жжет? Есть правила игры. Ты начни играть всерьез-то, потом все уляжется.

В этом было особое искусство: оставаться нищепродом, и в то же время плескаться в обществе, где не отказывали себе ни в чем. Чтобы показать Паше, как это непросто, Дмитрий как-то свозил его на пати в Серебряный бор. Домик был так себе, старый, деревянный, но романтичный.

– Вот там хата министра природных ресурсов, – говорил хозяин гостям, собравшимся на веранде, – А вон там Дерипаски, только его не бывает тут почти.

Хозяина звали Шура, и он был бизнесменом – помогал другим бизнесменам встраиваться в систему госзакупок. Павел не понимал пока, как устроен этот бизнес. Шуре еще не было тридцати. Безусловно, его можно было назвать иконой стиля. Сын высокого чиновника из Башкирии. Почти на мази свадьба с дочерью казахского олигарха – она в Канаде живет, Шура планирует туда переехать, а в России бывать только по делам. Ничего особенного на нем из костюма человек с улицы не приметил бы. Но Дима взял Павла за локоть, и с расстояния стал показывать, какие бренды надеты на Шуру, шепотом, даже с какой-то завистью, все было очень дорого.

На Паше был фьюжн. Перед пати Дима заглянул к Паше домой, чтобы лично его одеть. Но ничего пристойного не обнаружил.

– Ну вот это, – Дима достал наконец из пашиного шкафа свитер и вохристые брюки, – Может с натяжкой сойти за от-кутюр. Когда будут спрашивать, что это и где брал...

– А будут? Так обычно женщины делают.

– Будут. Нет более ни мужчин, ни женщин. Так вот, когда будут спрашивать, молчи загадочно, брендов ты не знаешь и поймать тебя на этом незнании легко.

Внутри Шура переделал свой домик под гнездо негодяйского плейбоя. Зеркала – как же все любят зеркала – диваны по центру, плазменные панели и холодный блеск никеля подчеркивали механицизм происходящего. Такие как Шура любят, наверное, бордели в Амстердаме – подумал Паша, хотя в Амстердаме сам не был, но по телевизионной картинке представлял. Популярная механика, товар-деньги-товар, ничего личного, детка.

Гости Шуры были чиновники уровня Дмитрия – и уровня Павла, да! – и бизнесмены среднего калибра. Разговоры сводились к мучительному поиску новых трендов. Куршевель уже не в моде. Все были в Куршевеле. Что в моде, непонятно. Таиланд не предлагать, телки, правда, попадаются неплохие, но в целом обезьяны – не люди, и что тут вообще обсуждать. Мальдивы да, но на Мальдивах недавно Гарика взяли по запросу из России, черная метка на Мальдивах. Ницца – пошло. Рим – плебейски. Берлин – буржуйски. Мир стал слишком тесен, в нем нет места для нас. Павел завел было шутивную беседу, а не перебраться ли в космос, но на него посмотрели странно – парящих в эмпиреях умников тут не любят, понял он, все земное, все никелированное.

Было скучно, потому что Павел привык быть один, а тут нельзя было быть одним, тут надо было быть вместе со всеми, но вместе со всеми тоже пока получалось слабо, потому что поддержать разговор Павел не мог. Учи матчасть, придурок! Машины – не знает Павел брендов. Ну то, что Феррари – это такие итальянские и красные, гоночные, это знает, конечно, но Мерседес, оказывается, не так чтобы крут, Вольво не обсуждается (а Паша думал, что хорошие машины, надежные), но тут же еще всякие модельные ряды, буквы-цифры, вот этого точно не знает. Придется гуглить! А что еще на работе делать, работа оказалась пока – по крайней мере пока – не слишком напряженной.

Вынесли молекулярную кухню, стали обсуждать молекулярную кухню, это тоже было дико не интересно, но, учитывая, что прежде Павел вообще не догадывался о ее существовании – познавательно.

– А ты где ланчуеться? – неожиданно спросили его.

Паша помнил совет Дмитрия – во всех неловких ситуациях загадочно улыбаться. Так и сделал.

– А, понятно, и ты в Жан-Жаке, – по-своему понял томительную пашину улыбку собеседник, – Лошары вы все! Уже не-мод-но!

Павел тут же потерял нить. Но компания его приняла. Ну понятно, раз пришел – значит свой. Чужие тут не ходят.

– Ой, кто это!

– Это наша Люсинда! – ответила только что вошедшая девушка, демонстрируя всем крошечную собачку.

– Дима, а разве носить такие собачки – это не отстой?

– Вообще-то да, – очень тихо ответил Дима, – но не все об этом знают.

– Милая, привет-привет, – девочки целовались, оставляя расстояние между губами и шеей Люсинды. Хотя Люсиндой звали собачку, Паша решил – и девица тоже пусть Люсиндой будет.

– Ну ты как?

– Ой я чудово!

Ну и так далее.

– А вот сейчас что-то будет! – предупредил Дима.

И пояснил – в углу мальчик Люсинды бывший, там была какая-то история не очень хорошая, видать о ней не знали, раз их вместе свели. Но ничего не было. Мальчик сухо кивнул, Люсинда тоже, как-то и разошлись. Потому что выпить не успели, наверное. А до выпивки Павел-то и не досидел, Дима куда-то торопился, да и Паше наскучило, откланялись, естественно, всем дико жалко, что они уходят, естественно, о них тут же забыли.

– Как тебе?

– Телки все одинаковые. Я не люблю таких. Типа модельная внешность.

– А никто не любит.

– ?

– Но надо, понимаешь, надо. Надо трахать таких, надо жениться на таких, и это проблема, потому что на самом деле разные вкусы у людей. Кому-то нравятся брюнетки, кому-то толстые, кому-то даже возрастные. Мы ведь как любим-то? Что-то в детстве произведет впечатление, первое яркое впечатление. Героиня мультфильма. Хорошая соседка блинчиками с курагой угостила. И все, на всю жизнь стереотип. И если ты человек с улицы, ты никому не обязан, кроме самому себе как, ты можешь искать и выбирать. Но в этом кругу у тебя нет свободы выбора. Только блондинка. Только высокая. Только на каблуках и в платье. Ну понятно что дома не на каблуках и не в платье, но вообще-то лучше, если дома один. Потрахать и спровадить. Надо беречь личное пространство.

Павел думал: ну что за глупости! Хотя спорить не стал.

– Пускай надуваются от принадлежности к сферам, – размышлял Паша, пока Дима рулил, – Я все же не для понтов пришел на госслужбу. Я поломаю стереотипы и буду выделяться из толпы, потому что это будет моя стратегия. Вот нравится мне Люда, и я буду с ней. И пускай ко мне куклы клеятся.

А куклы клеялись уже. В столовой это было как-то очень заметно. Одна кукла по вечерам повадилась ходить в кабинет, разговаривать о жизни, ну и явно ждет, чтобы ее пригласили куда. Легкая добыча. Сексуальный опыт у Павла был мизерный, баб мало по жизни попадалось, и почему бы его не углубить, но тут какое-то дурацкое противоречие включилось, «мне в руки идет, а я не буду, потому что слишком просто».

На самом деле, Паша просто боялся. Боялся настолько, что был уверен: в кровати облажается. А раз так, чего и позориться.

Глава 7. Тили тесто

После некоторого охлаждения, Люда стала бывать чаще. Люда стала чаще брать трубку. Люда однажды сказала, что им неплохо было бы пожениться.

– Ведь мы оба этого хотим? Я так думаю, что мы или женимся, или расстанемся. Потому что иначе время теряем.

Был вечер, ясный холодный вечер, он Паше хорошо запомнился. Люда сидела в кресле, скрестив ноги, босые ступни утонули в икеевской козлиной шкуре, ее лицо было почти не видно, потому что света в комнате еще не было, а прямо за Людой, за окном, заходило кровавое студеное солнце. Люда сказала то, что сказала, и ждала реакции, ее ожидание сгустилось в воздухе. Паша молчал, потому что сказать «да» боязно, сказать «нет» еще более боязно и чревато. Люда пошевелилась своим невысоким компактным телом внутри свитера, расширенного оленями – Скандинавия.

– Так что скажешь?

Павел больше всего на свете не любил что-то решать. Вот с карьерой как хорошо сложилось, поплыл по течению, и все. Сам удивлялся до сих пор, как он так взял, и из резиденции губернатора свалил, что потом ему неожиданно помогло. Иногда, когда один, в поле, в поездке, Паша мог принимать решения. Но как только рядом появлялся другой человек, Павел мысленно и сам для себя незаметно делегировал ему это право.

– Хорошее предложение! – сказал наконец Паша, оправдав свое молчание тем, что он, стоя спиной к Люде, готовил кофе.

– Тогда завтра в ЗАГС?

– Завтра у меня совещание.

– Ничего! С утра! С раннего утра, ЗАГС с 7 часов работает. Для таких как ты занятых карьеристов!

Что-то потом было после этого, секс был, опять была Луна, но на этот раз серпиком, красная, почти у самого горизонта. Паша не был рад сексу, довольно редкому, если учесть, что они с Людой все-таки молодые любовники, им положено по статусу. Паша уже чувствовал себя как бы в браке. Ведь все уже решено. И секс как бы стал обязанностью.

– Интересно, он всегда такой у людей в браке? – думал он.

Но вслух, конечно, ничего не говорил. Он вообще в тот вечер говорил мало. Если бы Люда заметила это, она бы спросила, но она не заметила, а поэтому не спросила.

– Мы даже в икею не съездили! – думал Паша.

С другой стороны, ну вот, съездим, что же, муж и жена одна сатана.

Люда ушла, хотелось с родителями побыть в такой важный вечер, а он лежал на тахте, думал, ну обычные глупые мысли – а нагулялся ли я? А что такое нагулялся? А когда достаточно? Это количеством измеряется или чувством, что хватит? Про количество тут и говорить нечего, вечно учился, вечно некогда, ну а на самом деле боязно опять же и лень. Ну а про «хватит» или не «хватит»?

– Представь, – говорил он сам себе, – что Люды больше нет со мной, и что мне надо будет кого-то искать. Где искать? Ну, как бы клеются ко мне. То есть не проблема найти? Но те, что клеются, какие-то не такие. То есть надо искать других. В моей ситуации реальнее всего сайты знакомств. Но я ведь целый руководитель отдела. Как я буду знакомиться с неограниченным кругом неизвестных лиц? Ладно, буду инкогнито. Фото не мое, имя не мое. Потом раскроюсь. Но это же гимор, гимор! Переписываться. Встречаться. В основном впустую встречаться. Ты не понравился – хреново. Она не понравилась – тоже невесело, как отказать, чтобы не обидеть. А так, чтобы обидеть, Паша не может, Паша ласковый слабак.

Вообще, конфетно-букетный период – затратный и неприятный. Разговоры ни о чем. Имитация интереса. Да? Правда? А расскажи про свою подругу? А ты где отдыхала в последний раз?

– Ну мы были в Турции, ну турки конечно такие противные, ну море такое приятное, да, но ветер был и волны, и было очень жарко, а хочешь я покажу фотку с цветочками и там я у моря?

– У, ты в купальнике?

– Да, это такая развратная фотка!

Дорого, цветы очень дорого, с деньгами, кстати, пока не очень хорошо. Цветы вообще штука страшно глупая. Носить их до того, как подарить – муторно. Неудобно. Колются. Хорошо хоть, что потом она носит. Но во всем фальшь, вот пришли в кафе, официантка принесла для цветов вазочку, свечи, дорого и невкусно, в ресторанах редко бывает вкусно, зато всегда бывает дорого, но главное – бессмысленно это все, бессмысленно. Все ради кровати, а кровать может и не оправдать ничего этого. Нет, она, конечно, оправдает так или иначе, кровать это кровать, но как не позавидовать ребятам, которые как-то легко, без шелухи.

– Ладно! Раз ты так не можешь, то женись! – решил Паша и отвернулся к стене, чтобы заснуть.

И тут заметил, что забыл за всеми этими переживаниями снять носки. В носках Павел спать не любил. И пахнет не так, и ощущения свежести с утра нет. Если человек не снимает с себя совершенно все хотя бы раз в день, то он закидает внутри своей одежды. Паша привстал, чтобы стянуть носки, и тут его внимание привлекли какие-то звуки со двора. Паша подошел к окну.

В доме напротив выделялось светящееся окно, широкое, балконное, балкон не застеклен, поэтому видно хорошо. Женщина кричала на мужчину, мужчина кричал на женщину, ничего особенного. Паше всегда казалось, что, когда люди ругаются или кричат, у них воняет изо рта. Женщина была некрасивой, мужчина – ну тут сложно говорить о красоте, остаток человека, остаток замысла, который Творец показал в ребенке. Конечно, я не такой, и у меня никогда так не будет. Конечно, я никогда не буду такой скотиной в майке-алкоголичке. И Люда никогда не будет так орать, она состарится, родит, потеряет что-то из достоинств ее фигуры, но никогда не будет такой злой, такой вонючей, такой бессмысленной. Но ведь те люди – тоже когда-то думали, что у них хорошо все обернется? Или не думали? Просто плыли? Брак по залету. Залет по пьяни.

– Быдло, быдло, – вертел в устах неприятное ему слово Паша.

Он не быдло. Люда не быдло. Все будет хорошо.

А ведь нет луны. Но почему же не спится?

А потому, что тревожный ветер. Ветер – это инфразвук, с ним не спится, ведь инфразвук – это волны, возбуждающие в человеке подсознательную панику. Перед землетрясением бывает инфразвук. Во как.

Паша и не заметил, как заснул – в кресле, и, кстати, в носках.

Утром был ЗАГС, в ЗАГСе были пузатые невесты, были и не пузатые невесты, были молодые мужчины, смешные и озабоченные, была бюрократическая толкотня, стены, крашенные желтой краской снизу и побеленные сверху, и не очень хорошо пахло. ЗАГС оказался тем, чем и является – унылым государственным заведением. Паша страдал – он хотел скорее попасть на работу, где не было, конечно же, никакого совещания, и хотел покурить – с некоторых пор Люда не одобряла, когда он курил при ней. Он даже сигареты прятать стал.

Вот странно! На работе Паша стал ощущать уже некоторую власть. Пока лишь некоторую, потому что показать свою власть сполна Паша мог в каком-то деле, а дел у нового отдела не было, потому что не было на отдел штатного расписания. Но то на работе, а в отношениях с Людой он вел себя, как будто она уже родила ему тройню, заплатила за него ипотеку, и как

будто 20 лет брака сковали их ржавой железной цепью, ржавой и железной, а вовсе не той, по которой кот ученый.

Ладно, отмучались, у ЗАГСа Паша взял такси, пришлось отвезти домой и Люду – она божилась, что начнет работать, потому что так правильно, но потом, потом.

Вечером выпивал с Вовкой Стреляным, все как обычно, водочка, грибочки, солдатские шуточки.

– Дурак!

– Да ладно тебе.

– С другой стороны, когда-то надо через это пройти. Ты теперь целый начальник, а начальнику надо быть с женой. Иначе – гей, а этого не любят у нас. Знаешь эту историю?

Паша знал, но Вовка все равно ее рассказал, в который раз. Один высокий чиновник отличался нестандартной ориентацией. Ну, предавался своей ориентации вне работы, разве что нанимал себе в ближний круг мальчиков покрасившее. Однако же начальство все заметило, не укрылось, и шеф посоветовал жениться.

– Мы все понимаем, но сейчас такой момент. Страна в едином порыве. Так вот, переступи через себя.

Придется переступить, но поиски – это так противно. Вышел как-то на даче на крыльцо, и через забор увидел соседку. Баба и баба. Чиновник даже не знал, кто там у него, за забором. Но ясно, что близкий круг.

– Женой моей хотите быть?

Она была замужем, но супруг не того полета, что наш чиновник. Поэтому по согласию трех сторон – развод, и новый брак без секса. Секс разрешено сохранить с прежним супругом.

– Будем дружить домами! – сказал, сияя, прежний, поднимая рюмку.

Его дела с тех пор пошли в гору.

– Собственно, я ничего не потерял, – говорил он своей в постели, – Ты у меня как была, только госзаказы пошли косяком.

Вовка все это рассказал, руками обрисовывая особенно пикантные ситуации.

Паша слушал, это все был фольклор, было или не было, неизвестно, но знание таких баек есть часть принадлежности к клубу избранных. «Об этом не напишут газеты».

– Ладно, все к лучшему, как уже было сказано предыдущими ораторами, но мы это хорошо отметим! Мальчишник! – кричал Стреляный.

– Мальчишник? Никакого мальчишника! – шептал Дима на следующий день Паше, – Знаю я Стреляного, сауна с проститутками предел его фантазии, ты на соплях висишь, ты на птичьих правах, застукают – менты ведь крышуют, все видят – я тебя не отмажу!

Паша струсил и мальчишник отменил.

Через месяц они с Людой расписались. Не стали платье покупать, не стали свадьбу делать – Люда сказала, что все это дорого и не нужно. Они пришли, как были, Люда в кедах даже, и расписались. Рядом с расфуфыренными бибиревскими дамами. Ощущая свое внутреннее превосходство и ловя на себе презрительные взгляды, которые только разжигали превосходство.

Вечером Люда переехала к Паше. Ну как переехала? Вещей с собой не взяла. Сказала:

– Зачем все тащить? Что понадобится, заеду, возьму.

Глава 8. Первая кровь

Наконец, пашин отдел появился в штатном расписании, а вслед за этим событием возникли и сотрудники. До этого момента Паша, искренне имитируя работу, занимался чтением инструкций. Из инструкций следовало, что Группа всегда права, потому что она за справедливость. Весь остальной мир только и делает, что стяжает и способствует своему личному обогащению. Кто же остановит этот разгул? Вот мы и остановим. Миссия. Корни. Совершенство в деталях.

Сотрудники оказались молодыми людьми, свежими выпускниками Низшей школы экономики. Дениса Паша даже заметил не сразу, Денис расширенно улыбался и был готов на все, поэтому не бросался в глаза на фоне всеобщего энтузиазма. Кристина – яркая брюнетка с длинными ногами – уже получила выговор за неподобающе короткие наряды от кадровой службы, но ее это мало беспокоило. Кристина пришла жечь напалмом ради собственного блага. Она была уверена, что ей уже несут взятку – сначала пусть небольшую, а там как пойдет. Паша провел с нею воспитательную беседу:

– Страна погрязла в коррупции, и это хорошая новость для тех, кто решил погрязнуть вместе с нею. Но это плохая новость для тебя, потому что ты попала в структуру, где реально борются с коррупцией. Пока вороватые дуболомы из псевдо-силовиков прикидывают, как бизнесмена сначала раздеть, а потом уничтожить, мы сразу уничтожает бизнесмена, этого источника взяток и соблазнов для чиновничьего аппарата. Пока вялые задницы в экономическом блоке правительства тусуют по заведениям с голыми тетками, ездят на красных гоночных машинах и выходят замуж за коррупционеров, мы разгребаем авгиевы конюшни, оставшиеся после них. Настройся на работу.

А вот, кстати, и работа подвалила. Это хорошо, что первое большое задание отдел Предвидения проблем – именно так в итоге стала называться пашина синекюра – получил, когда кадры появились. Это называется «функции, обеспеченные ресурсами». Паша видел, что борьба за функции шла нешуточная, обеспеченные они или нет – давай сюда, что не проглотим, так разжужаем – и понимал, насколько ему повезло, что он может не только взять на себя работу, но и выполнить ее.

Все началось на планерке, Мстиславский сидел за своим креслом где-то далеко, во главе бесконечного, как история Византии, стола, и рвал, а также метал:

– Вот Орел – хорошо! Такую сеть накрыли! Но есть регионы, которые недорабатывают. Курск! Что далеко ходить, рядом на карте. Они утонули! Ни одного раскрытого картеля за месяц! А я президенту докладывал, что страна погрязла в картелях. В каждом регионе, в каждой отрасли коммерсанты между собой договариваются! Зарубите себе на носу, сонного царства я не потерплю. Кто не может раскрыть картель, мы тому поможем с трудоустройством за пределами нашего ведомства. Кстати, у нас есть целый отдел, работающий на опережение.

У Паши потемнело в глазах, но все закончилось мирно – отделу предложили работать на опережение по Курску. Паша позвонил в Курск. Трубку взял Эраст Разумный, судя по голосу – бойкий такой и разумный Эраст.

– Это Павел Всеволодович Корсаков из центрального аппарата, отдел предвидения.

– Ой, какие отделы у нас теперь есть.

– Босс сегодня поминал Курск...

– Чем обязаны?

– Я бы оставил неуместно игривый тон. Куда ваши картели подевались?

– Люди работают, бизнесмены осознают и трепещут, – Эраст как-то не торопился трепетать.

Паша нагнал железо в голос:

– Дело должно быть к вечеру!

Оно было к обеду, оно досталось Кристине, Кристина была недовольна:

– Ну фу! Это не бизнес, а ерунда какая-то!

А дело было не ерундовым. В центре Курска возвышался (судя по фото, возвышался неплохо) торговый комплекс «Фитилек». В нем был кинотеатр, который торговал поп-корном. Засада состояла в том, что больше поп-корном в «Фитильке» не торговал никто. Не торговали им в обувных и одежных магазинах. Но это ладно, но там могли бы быть частные предприниматели, просто торгующие поп-корном.

– Представляется, что владельцы кинотеатра выдавили других представителей бизнеса, которые могли бы реализовывать аналогичную деятельность, – прозорливо писал Разумный.

– Большие дела начинаются с малого, – наставлял Паша Кристину, – Понимаю, пока в Нишке училась, оперировала золотовалютными резервами и анализом действий ФРС США, но откуда берутся резервы, как не от бизнеса? В США малый бизнес производит 80% ВВП! У нас тоже немало – 20%. Но как производит, тут же важно качество ресурса. Если так, как в Курске, убивая все вокруг себя, это никуда не годится.

Кристина поняла, что в первый рабочий день ей взятки не принесут, или просто решила попробовать поработать, все же место новое:

– Конечно! Да я сама бываю в кино, это ад, билеты по 400 рублей, плюс на то-се тысячу оставишь.

– Тебе и карты в руки. Хорошо, что ты экономику пропускаешь через себя.

Кристина взяла в руки карты, а Паша взял под особый контроль дело попкорна. Работа закрутилась – даже бесполезный восторженный Денис получил задание исследовать рынок поп-корна по всей России. Денис с помощью Паши и Кристины – да, она быстро вошла в курс – выяснил действительно чудовищные вещи.

Только вдумайтесь, по России 98% кинотеатров реализуют поп-корн. При этом цены на поп-корн устанавливаются не через рынок, а через метод «затраты плюс». То есть предприниматель приобретает аппарат и сырье, нанимает человека, это его затраты. Потом смотрит, как обеспечить маржу побольше. Маржа устанавливается по правилу «пока берут» – цену можно повышать до тех пор, пока потребитель не начинает отворачиваться от товара. Поскольку речь идет о кинотеатрах, куда человек пришел с заранее созревшим умыслом потратить деньги, клиент часто не смотрит на ценник. Налицо обман потребителей и попытка воспользоваться измененным состоянием сознания клиента. С этим надо что-то делать. Аналитическая записка вопияла белугой. На ее составление ушла неделя, неделя бессонной работы в офисе. Денис скрежетал. Кристина периодически бегала в туалет, возвращаясь со свежим макияжем. У Паши в доме начались проблемы – Люда иногда хотела секса, а Паша, погрузившись в страдания киноманов и в поиски мафии киноиндустрии, о сексе и думать не мог. Иногда он не успевал принять утром душ. Дима ругал:

– Ты стал как босяк, хуже, чем до повышения.

Зато Руслан хвалил:

– От тебя за версту воняет удалью! – сказал он как-то в лифте, и Паша заметил, что у самого Руслана грязь под ногтями, да и волосы пора бы помыть.

Странно, пока Руслан был начальником, Паша такого не замечал.

Через две недели Павел был готов сделать обобщающий доклад своему новому шефу, первому заместителю руководителя группы Петру Либкнехту. Доклад тянул на всероссийское дело против кинотеатров как таковых. В финале Павел делал предположение, что нужно устроить тотальную проверку в кинозаведениях: скажем, почему в 70% случаев в районе действующего кинотеатра нет другого кинотеатра в шаговой доступности?

Либкнехт быстро прервал изложение:

– Я все понял. На то вы и руководитель отдела прорывов и будущих решений, что мыслите глубоко. Я вижу всю ситуацию до конца. Давайте так: вы доводите ситуацию по Курску до победного, потом можно двигаться вширь. Пока у нас есть прямое указание Мстиславского встряхнуть Курск, а также его общее указание быть бдительным и делать выводы. Работайте по Курску.

Паша решил в конце концов слетать в Курск сам. Оказалось, правда, что слетать туда не получается, потому что единственный аэродром давно не принимает рейсов, и Паша поехал на поезде. Он взял купе – ему намекнули, что СВ – это для коррумпированных гадов из других министерств. Проводница предложила бизнес-ланч – Паша сначала согласился, потом отказался, ну какой может быть бизнес, когда ты на государевой службе.

В окне неслись пейзажи, однообразные и унылые. Впрочем, сами по себе равнины, горы и леса лишены настроения, это человек накладывает свое состояние на пейзаж, и Паша задумался, отчего так хорошо тоскуется в России, но так плохо радуется? Конечно, жизнь несовершенна. Ну и Люда... Какой-то странный брак. Все-таки странный. Лучше уж свадьба, дебилские конкурсы, пьяные гости, разбитая посуда и синяки под глазами. Если не так – то мальчишник к Вегасе, как у америкосов. Или что-то традиционное, как в Индии, цветы венком на шее, лепестки под ногами. У Паши не было из свадьбы ничего, и осталось чувство, что ничего и нет. Люда приходила, уходила, она часто оставалась у мамы, она бывала с подругами – Паша не разгибал спины, но все видел из-под век. Просто не было времени об этом подумать. Ведь впереди вся жизнь. И найдется время, чтобы встать на ноги, осмотреться, немного расслабиться и подумать о себе.

В поезде ехали простые люди, не карикатурные из кинематографа, без яиц и курицы в рационе, и без выпивки. Не очень разговорчивые. «Тянет поговорить» – и не тянет, и не тянется. Так Паша уснул.

Курск встретил холодком. По неровной улице машина везла в офис Группы. В офисе все показалось маленьким, как будто пришел в небольшой медицинский центр – вот здесь травматолог, а тут уже операции делают. Не было дистанции между властью и сотрудниками, и даже секретарша болтала с подружкой по телефону и лишь кивнула головой, когда Паша шел в кабинет Эраста. Тот взял быка за рога:

– Что будем шить?

– По совокупности преступлений, – ответил Паша, подивившись постановке вопроса.

– Ну вы сами-то...

– Что я сам?

– Ну, как-то это мелко, что ли.

– Как так мелко?

У Паши застило глаза. Да тут всю систему менять надо. Эраст понял, что откровенность ни к чему. Эраст раньше работал стоматологом, и еще не привык к Византии в быту. Управление Группы испытывало острую нужду в сотрудниках, а Эраст недавно женился на дочке вице-губернатора.

Паша изложил данные исследования: ситуация по стране тяжелейшая, Курск станет полигоном для громкого дела.

– Конечно! – Эраст пытался загладить порывом неловкое начало разговора, – Навязанные услуги. Это очень серьезно. Вынуждены покупать только тут. Охрана препятствует. Вынимают из сумок еду, купленную где-то еще, тут и покушение на имущество, тут и насилие, и вообще, а кто хозяин кинотеатра?

А кто его отец, как сказано в эпиграфе у Пушкина.

Ну кто. Да из московских. Была тут в Курске попытка культурной революции. Галерея, перформансы, приехал, возглавил, акционеры послали. Но не принял народ сомнительного

искусства. Без стечения публики проходили пати и афтопати. Стали просить денег. Из бюджета. Директор кинотеатра, правда, ничего не просил. Но он из той же компашки.

– Сходим! – решительно сказал Паша, и они с Эрастом поехали.

Был день, давали «Монстров-енотов», детское, зал почти пустовал, мать с карапузом, да бабушка со школьницей. Мать поп-корн взяла, ребенок клянчил. Бабушка не стала. Паша принялся делать контрольную закупку:

– Сколько?

– Двести.

– А где еще можно поп-корн купить?

– Как где? У нас.

– А еще?

– А зачем еще? Тут же удобно, взял и зашел. Какому дураку еще нужен попкорн, как не в кино?

– А в кино зачем?

– Так принято. Ребята, да что вы докапываетесь?

Эраст сказал через минуту, когда уже сидели в зале:

– Уволят парня.

– Что?

– Ну а куда его. Правда что ли енотов смотреть будем?

Не стали.

Приехали вместо этого в кафе «Солнышко Китая». Восточная кухня. Паша поймал себя на том, что смотрит на вещи уже как профессионал. Кафе стояло на улице, где были еще кафе, так что все в порядке. Выпили какой-то гадости – вроде как рисовая водка. Сосуды в голове, измученные жесткой подушкой поезда и холодным утром, смягчились.

– Ты ничего, что я так? – допытывался Эраст.

– Как так?

– Ну, как бы понимание сначала не продемонстрировал. У нас тут свой масштаб, местный, мы многого не понимаем, вы нам помогайте. Пока вы нас не пнули, ну кино как кино, никто и не смотрел.

– Для того мы и поставлены, чтобы видеть как бы сверху, – Паша немного плыл.

Перед поездом вышли на улицу, размялись, Эраст долго махал, провожая Пашу, а тот и не смотрел из окна вагона. Сразу спать лег.

Через пару дней Кристине перекинули ролик местного телевидения:

– Для кинотеатра основным генератором прибыли являются не билеты, а сопутствующие товары и услуги. Прежде всего это продовольствие. Так называемое сопровождение, связанное с покупкой продовольствия. Требования по запрету на пронос продукции – это как раз попытка навязать услугу по покупке соответствующих продуктов на территории кинотеатра. И это незаконно. Особенно это характерно для кинотеатров без 3D-оборудования с высокой добавленной стоимостью на билеты, – уверенно говорила девушка, ровесница Кристины.

Кристина придирчиво смотрела на нее, думала:

– Вот она в Курске. Лошара драная, но ведь я могла быть на ее месте. Сапоги – где взяла такие. Вечером пойдет в тошниловку какую-нибудь. Дыра и есть дыра, дырой небось и она место в ящике заработала.

– Зато с ней все здороваются на улице, для Курска она звезда, – как бы прочитал ее мысли Денис.

Паша торжествовал. Кинотеатр разобрали по косточкам. Директор уехал в Москву. Собственник стал в панике продавать актив. Покупатель нашелся – некто Карен, говорят, неплохой человек, а главное – родственник владельца развлекательного комплекса. Ну все одно к одному, главное, не остались куряне (так кажется) без зрелищ.

Паша готов был взяться за дело в масштабах страны, но Либкнехт осадил:

– Ты горяч, это прекрасно, но есть регламент. Ты собака, ты пес Мстиславского, пес Российской Федерации, ты ищешь жертву, а дальше ею занимаются охотники. Ищи следующую.

Этим Паша и поделился с Людой. Люда разогревала пиццу в духовке.

– Пицца подорожала, – сказала она.

– Не покупай в магазине, делай сама.

– Слушай, «делай сама», тебе стряпуха нужна, чувырла суконная, или нормальная баба под твой статус? А если под статус баба, то бабу твою вообще не должны парить цены на пиццу, и тем более, как работает эта гребаная плита.

Спала отдельно.

Глава 9. Красное колесо

Как-то в ночь Паша проснулся от того, что Люда рыдала.

– Ты что?

Она не отвечала, встала, голая, прошлепала к окну, силуэтом на фоне прямоугольника мелькнула.

Потом как бы пришла в себя:

– Нам детей надо, пора нам детей.

– Так какие проблемы?

Это была, конечно, ошибочная фраза, потому что только у мужчин нет проблем. У женщин они есть всегда. Вот просто так взять, и завести? А жить где, в однушке? Я не собираюсь спать в одной комнате с люлькой. Понадобится няня. Няне нужна отдельная комната. Это был разговор о деньгах, конечно же. На самом деле, все женские разговоры сводятся именно к деньгам, но мужчины этого не понимают, потому что не умеют вычленять суть вопроса. Им кажется, что нужно анализировать слова, брошенные в их адрес упреки, но слова в данном случае просто слова. Люде нужна новая просторная квартира.

– И не в такой дыре! Тут приличных школ нет! Ты согласен возить ребенка через весь город? Да что я, у нас и машины-то нет.

Принялись в ночи перебирать возможности, как квартиру заполучить. Эту продать – непонятно, откуда взять остальное. Кредит как бы отпадает. Ничего не решили, но Люда заронила то, что хотела заронить, Паше в голову.

А у Паши на работе времена были веселые. Дима, Дмитрий, добрый бог из машины, благодаря которому Паша стал тем, кем еще несколько месяцев назад и не мечтал стать – у Димы неприятности начались.

Завертелось все со странной планерки, на которой Мстиславский был зол. Знающие люди умели вычислять, сколько Мстиславский принял накануне. Принимал он хорошо, а годы-то не те уже, и Мстиславский утешал себя тем, что подрагивание суставов и необъяснимая агрессия с утра есть лишь разумная плата за вечернее веселье. Паша все еще не входил в ближний круг Мстиславского, поэтому таких нюансов в поведении босса не замечал. Те, кто входил, могли уловить беду не только по общему состоянию, но и по запаху – этот непередаваемый аромат похмельного мужчины, особенно заметный, когда Мстиславский поднимал руку, потому что аромат распространяется преимущественно из подмышек. Так вот, это была одна из таких утренних планерок.

– Что творится? – крикнул Мстиславский.

Ну, все замерли, мало ли, что творится. Тут каждый день что-нибудь творится.

– Подъезжаю сейчас к конторе, и вижу, на каких машинах ездят наши сотрудники. Некоторые наши сотрудники! В пору, когда президент ведет борьбу с роскошью, когда эта борьба ведется нашими, собственно, руками...

Ни одной фамилии на планерке тогда не назвали.

– Что делать? – спрашивал Дима за обедом у Паши.

– А что?

– Парковаться подальше, что ли.

– Так ты на свой счет?

– Ну а как не на свой.

– На метро попробуй.

– Нет, я лучше в пробке три часа простою, встану раньше перепелов сизокрылых, но поеду на своем руле, чтобы соотечественников не нюхать.

Фраза про «не нюхать» как-то запала Паше в душу, потому что он применил ее к себе. Он ездил на метро, считая это в принципе не самым удобным и приятным делом, но и не так чтобы ужасным. Получается, он то ли нюхал, и радовался, то ли под вонючими соотечественниками можно было разуть и его.

Не Дима ли рассказывал Паше, что выделяться нельзя? Не Дима ли отговаривал Пашу от покупки более-менее приличной машины? Дима, Дима... Но слаб человек. Дима любил машины с мальчишества. Тратил на них прилично, часто менял. Он готов был соблюдать нищесоблюдский дресс-код. Готов был держать в девственности корпоративную банковскую карту. Легко соглашался ничего не писать в социальных сетях с отпуска на пристойном заграничном курорте. Но от машины он отказаться не мог. Знал, что нарушает правила, отговаривал Пашу их нарушать. А сам не мог.

Так получилось, что через несколько дней сидел Павел у Арона Ашотовича, старого сторожевого пса, и болтали они по-свойски. Арон Ашотович теперь Пашу за главного своего приятеля признавал, ну и стороны не вспоминали, конечно, о том инциденте с Орлом. Да и об Орле не вспоминали. Паша иногда припоминал ту командировку, первую свою:

– Вернуться, что ли, вдуть Алене! Ну и дурак был, поехал за романтикой. Еду за туманом!

Ну вот, сидели, разговаривали.

– А вы, Арон Ашотович, на чем ездите?

– У меня старенькие Жигули, – закричал Арон Ашотович, – Но такие пробки, что я в центр даже и не пытаюсь!

У Арона Ашотовича был БМВХ6 на самом деле, но эту машину никто не видел. Это было неприятно, ведь самое главное в демонстрационном потреблении – слово «демонстрационное», но чиновник убеждал себя, что и в тайном обладании есть кайф.

– Это как если бы ты натягивал малолетку, – иногда сам себе говорил заслуженный силовик, – Таким не похвастаешься, но в этом есть своя прелесть!

– А я на метро! – бодро сообщил Паша.

– Правильно, правильно. Госслужащий – витрина, и нечего на нее выставлять неподобающие вещи.

Помолчали.

– А ведь есть у нас и странные люди, – сказал вдруг Арон Ашотович.

– Ну как странные?

– Ну так. Странные немного. Хорошие машины. Я помню, давно дело было, я еще работал на советском телевидении.

– Вы там работали?

– Да. И вот приезжает глава советского телевидения на служебной «Волге», а уже кооперативы, хозрасчет, новая экономика. И тут же подкатывает сотрудник на Ауди Бочка. Ну понятно, что машина так себе, но тогда любая иномарка в глаза била. Так этот Кравчук – так шефа телевизионного звали – разъярился, и потребовал проверить все доходы этого сотрудника. Источник доходов.

– И?

– Ну а там такое «и»... Джинса, одним словом. Это когда ты рекламу протаскиваешь мимо кассы. Конечно, если образ жизни не соответствует зарплате... Уволили.

– И правильно! – сказал Паша, – Так что у нас, получается, Мстиславский еще не так уж и суров?

– Да он душка! – зашамкал Арон Ашотович, – Вы других не видели. Сенина из Рось-Нефти. Он как гаркнет, так людей в реанимацию увозят.

Вспомнили несколько анекдотов про злых начальников.

– Вот и распустились наши! – резюмировал Арон Ашотович.

– И не говорите, – поддержал Павел, – Мол, в метро ездить – сброд нюхать.

– Это кто ж так говорит?

– Да Дима юродствует, – Паша подумал, повертел пальцами стакан с кофе на столе, – Нюхать, да, так и сказал.

Снег долго не мог выпасть в тот год, как раз, как Паше идти домой, он вроде бы начал слегка, но то не снежинки были, а какие-то слезы. Паша тем не менее решил прогуляться немного пешком, одну станцию пройти. Москва красива бывает в такие минуты, в это время года – слепая, загадочная, изысканная в простоте разношерстной архитектуры. У столба Павел заметил собаку. Он собак не любил, но недавно стал испытывать к ним какое-то сочувствие. Так-то ему больше кошки нравились, кошки безопасны, но не слабаки – человеку ведь вреда не сделают, а собаку загнать могут. Павел, проходя мимо собаки, кивнул ей головой, что было, наверное, глупо, собака зарычала, а дальше не поймешь даже как, время сжалось, и секунда прошла, как в замедленном кино: вот она встала, вот она бросилась, медленно-медленно, и – порванная штанина, боли нет, темная кровь в свете фонарей на грязном тающем снегу. Укусив, собака спокойно отошла к своему столбу.

– Да что ж это... – Павел беспомощно оглянулся – Да что ж ты делаешь! Кто поможет? Да как это так?

В голове – стыдно ехать в метро, уколы, полиция – убить, наказать, ярость. Но полиции не было. Из прохожих бабка одна, остановилась на другой стороне неширокой улицы:

– Ну распустили! Да где ее хозяин?

– Нет у нее хозяина, и что делать? – Паша обрадовался, что появился свидетель.

Хотя какая помощь от бабки. Разругав собаку, бабка поковыляла дальше. Собака встала и потрусилась прочь. Паша постоял, пока она не скрылась, поймал машину.

– Что это с тобой? – спросил водитель. – Ты мне тут все закапаешь!

– Давайте перевяжем чем-нибудь, бинт есть?

– А... садись! Только назад. И вон газету подстели, видишь, пачка газет.

Паша поехал домой, ворвался в комнату, как быть? Что делать?

– И где это тебя угораздило? – Люда осмотрела рану, – Где шлялся-то?

– Да вот сдуру решил прогуляться.

– Сдуру и решил. Поезжай теперь в травмпункт. А так как у тебя даже машины нет, пройдишь лучше пешком. Да только подальше от собак. Они любят свежую кровь.

В травмпункте на линолеумном полу стояли продавленные откидные стулья, на стульях сидела травмированная молодежь, кто-то пьяный, кто-то перевязанный, парень с девушкой, парень бритый, смотрит волком, девушка его периодически била ладонью по лысому черепу:

– Ты придурок, да?

Тот склался. От старика воняло. Была почти полночь. Паша зашел неуверенно в кабинет, в углу продолжала одеваться толстая тетка, медбрат грубо толкнул Пашу ладонью в живот:

– Куда, не видишь, что ли?

Паша застил глаза рукой. Ему перевязали рану, вкололи препарат, дали график уколов – Паша график сохранил, хотя делать их он будет, конечно, в своей поликлинике, на работе. И кинул эс-эм-эску, что на планерку не придет. Вот такая ночь. Надо отоспаться.

И он не пришел на планерку, на которой Дима лишился своего поста. Паша так и не узнал в деталях, как это случилось. Он мог бы догадаться – и догадался – что Арон Ашотович взял замечание Паши о диминых словах на карандаш. Он вряд ли мог представить, как дальше распорядился старый аппаратчик полученным знанием. Ведь так просто к Мстиславскому не подойдешь, не скажешь. Но у Димы есть враги. По совпадению, это друзья Арона Ашотовича.

Аккуратно – Арон Ашотович тоже не спал в ту ночь – он встретился с кем надо, сказал, что надо. Ну а дальше дело техники. Мстиславский бурил в своем любимом ресторане

«Корни». Ресторан стоял у самого Кремля, но такое впечатление – что на окраине где-нибудь. Он бы там лучше смотрелся. Аляпистый декор, гигантские самовары с развеселыми надписями вроде «Эх-ух водка, черный хлеб, селедка». Густые желтого цвета портьеры, прикрывающие вип-комнаты. Толстые плюшевые скатерти на столах. Пластмассовые цветы. Сегодня для вас поет Машка-Разгуляйка, за синтезатором – Глеб Жегульский. Командированные нефтяники. Мстиславский. Доложили.

– Ну и пусть уматывает нах. Завтра объявим, приказ после планерки изготовим.

Позже, много позже, и отчасти случайно, Паша узнал еще более глубокие детали. Те самые друзья Арона Ашотовича, которые – враги Димы Большеславского, были тесно связаны с Петром Либкнехтом, куратором Паши, замом Мстиславского. Дима не верил словам Мстиславского о «рвении», но, если что-то повторять изо дня в день, поневоле поверишь. Дима вышел на этих самых друзей. Конечно, он не знал, что это друзья Либкнехта. Знать, как выяснилось, стоило.

Началось все с того, что одна мелкая компания сунулась участвовать в тендере Российских Стальных Путей, где с нее затребовали 30% отката. Компания пожаловалась в Группу. Дело попало Диме. Он долго мучился. Он знал, что есть люди, которых трогать нельзя. Но Мстиславский как раз в очередной раз громыхнул на планерке что-то о «чистых руках», и Дима попытался дать делу официальный ход. То есть состряпал бумагу и пустил ее по инстанциям. От бумаги шарахались, как будто ее писал чумной. О Диме заговорили – даже странно, что Паша не слышал этих разговоров тогда, но такое случается в очень больших компаниях.

Диме говорили. К Диме сначала подкатывал Арон Ашотович, намекал. Не внял. Сам Либкнехт имел с Димой беседу, страшное унижение, после которого Диме все равно в Группе не жить. Тут Дима задержался. Попытался связаться с Мстиславским. Слова «вы можете прийти ко мне в любой час любого дня» звучали ведь часто. И Дима им отчасти верил. О просьбе Большеславского доложили Мстиславскому. Тянулись недели, Мстиславский не принимал, потому что Либкнехт успел изложить боссу свою версию событий. Это у него, у Большеславского, темный бизнес с неустановленными лицами. Вот с этой вот фирмочкой, которая хотела продавать Стальным Путям костыли для шпал. Спасая свою задницу, Великанов якобы придумал, что тему крышует Либкнехт. С больной головы на здоровую. Старый прием. Для Мстиславского так даже вопрос не стоял, кто тут прав, поскольку Стальные Пути – это Стальные Пути, рельсы, трубы, провода, не руби сук, а то руки отрубят. К тому же Мстиславский был склонен скорее поверить в подлость, чем в честность и подвижничество. Но соблюдать внешний политес, если львиная доля твоей работы – имитация, это святое. Мстиславский дал команду искать на Большеславского «что-нибудь нейтральное». Разговор Паши с Ароном Ашотовичем пришелся очень кстати.

Паша, как узнал об увольнении, бросился было к Диме, но что-то его остановило. Паша впервые понял, что такое выбирать между долгом и дружбой.

– А чем я могу ему помочь? Дело сделано. Так, утешить.

Решил, что утешит уже после работы.

– Там Дима вещи собирает, – сказал коллега.

– А ты заходил проститься?

– Не, мимо проходил, у него дверь открыта.

Ближе к вечеру Паша написал Диме эс-эм-эс, дескать, держись! Дима долго не отвечал. Наконец в ночь, пьяный, позвонил.

– Блин, мне пить нельзя вообще-то. Я в «Сладкой палочке», подъедешь? Я в хлам.

– Поздно уже, – Паша не спал, но в «Палочку» ехать не захотел.

– Узнаю, кто сдал, сука, расстреляю. Вот своими руками расстреляю суку!

Паша послушал немного пьяный бред, и положил трубку. Он думал, что больше, наверное, не увидит Диму никогда.

Глава 10. Оттенки синего

Подходил Новый год, стремительно. Люда поставила вопрос о хорошем отдыхе. Стали лазить по интернету. Но тут дорого, там уже все расхватили. Наконец сошлись на том, что поедут в санаторий минэкономразвития. Правда, он для сотрудников этого министерства. Формально могут заехать все, но прайс для чужаков такой, что никто не едет. Это обеспечивает соблюдение рыночных правил с одной стороны, и избавляет от чужаков – с другой. Всем сестрам по серьгам, и все сестры целы.

Паша и узнал-то о существовании санатория потому, что попросили проверить, не выпадает ли санаторий из рынка. Паша встретился с сотрудником министерства, который курировал Объект, в ресторане «Луч добра».

– Привет! – молодой парнишка расправил улыбкой прыщики на лице, не звавшем бритвы.

– Цветов не надо, – Паша решил, что это торговец букетами, из тех, что шляются по ресторанам.

– Павел? Я Михаил вообще-то.

Там ведь все молодые. Молодые да ранние. Не намного моложе Паши, но уже другое поколение. Кеды с какими-то острыми шипами. Зеленый шарф. Клетчатый свитер. Говорит быстро, активно жестикулирует, сам шутит, сам смеется. Паше было не по себе.

– С этим санаторием, конечно, история, – Михаил хихикнул, – Ну кто туда поедет? Подмосковье – это не Бали. За такие деньги в Таиланд десять раз съездить можно. Прайс нереальный.

– В ваших все руках.

– Ну как в наших? Невидимая рука рынка диктует свои правила, она сильнее нашей руки. Объект построен в 1970-е, недавно проведена полная реконструкция. Плитка была хуже, чем у меня на съемной квартире. Прикиньте? Ну кто поедет в сарай? В сарай можно один раз обманом завлечь.

– Ремонт, и? Нет, мне воды, пожалуйста.

– А я пожалуй красенького. Ничего, что вы не пьете? У нас же деловая встреча. А то умотали Сивку крутые горки. Так вот да, ремонт. Ну и потом содержание объекта. Объект висит на собственной котельной. Топится от сжиженного газа, который завозят такими круглыми машинками. Это дорого.

– Круглыми машинками?

– Ну да, такими... фурами. Но вы поймите. Было бы нехорошо, чтобы туда не могли поехать люди с рынка. Они платят всего по 8 тысяч в день, и едут. Теоретически. На самом деле, не едут, но такая возможность есть. А мы гасим затраты наших сотрудников из наших внутренних резервов, для них всего 100 рублей в день, но тоже желающих немного. Объект стоит в планах приватизации. Кстати, не хотите изучить?

– То есть?

– У нас на Новый год тариф «для улицы» 12 тысяч в день. А вы поедете с ревизией за счет министерства.

– Ну я не знаю...

– Конечно, можно сделать так, что вы будете платить. 150 рублей в день. Это потому что Новый год. Так бы сто, я уже говорил.

– Это все меняет! – согласился Паша, представив, какой ужас ему предстоит в поисках новогоднего тура, устроившего бы Люду.

А так ничего не надо искать, все само плывет в руки. Конечно, никакой это не деловой трип, это не прокатит. Но кого волнует, что я делаю в отпуске?

Люда была сначала не очень рада, ну как же, задолбала Москва, задолбала русская зима, темень, холод, слякоть, надо море, цветы и позитив, но потом сообразила:

– А там кто будет? Министерские?

– Ну да.

– Ладно, поедем, будем попы у камина греть, и тебя продвигать заодно.

С оживленной трассы свернули – таксист запросил астрономическую сумму, но все равно копейки по сравнению с заграничным туром, ведь это практически все расходы, других нет – и сразу дорога стала неуверенной. Машину несколько раз заносило. Но вот вдруг опять широкая, просторная дорога – это уже когда свернули на КПП. Смеркается, огоньки, такие волшебные в последние дни перед Новым годом, заигрывают из-за сосен. Проверили документы, пропустили. В прохладном пустом холле навстречу метнулись два охранника:

– Вы к кому?

Показал документы, охранники не очень-то любезно кивнули на стойку ресепшена. Женщина лет пятидесяти равнодушно осмотрела санаторно-курортную карту (и даже ее выдали в министерстве, а без нее нельзя), Паше могло бы показаться, что он попал в 1970-е, когда все это и было построено, но он не жил еще сознательно в те годы, поэтому ему это не показалось. Тишина, пустота, полумрак, белый как зубы мрамор, полированные коричневые деревянные перила. Женщина отводит к номеру, открывает рывком:

– Все как везде. Санузел, койка. Спиртные напитки проносить запрещено. Просим не шуметь. Если жарко – вот регулятор.

В окно смотрела почти исчезающая в раннем зимнем сумраке сосна. А тишина-то! – сказал Паша, вышел на балкон, и закурил. Тут же обдало холодом, Паша успел скинуть дубленку.

– Тишина как в морге, – Люда была не очень довольна, – Где твое хай-сесайти?

– Да будет тебе сесайти! – пошутил Паша.

За трапезой сесайти нашлось. Мужчина лет 35 сосредоточенно ел «ужин номер 5» – гречка с рыбой, кетчуп одна упаковка маленькая, компот.

– Что будете есть на завтра? Какой у вас номер? Поставьте галочки возле вариантов, – теребила Пашу сотрудница столовой.

Люда взяла меню в свои руки.

Вечером за общим телевизором разговорились. Мужчина оказался сотрудником департамента методологии госзаказа по фамилии Колосов. Он говорил очень тихо, но остро, сыпал смешными рассказами, и скоро Паша с Людой так нахохотались, что взялись за животы – несколько картинно взялись, впрочем.

Потом перешли на серьезные темы. Колосов жаловался:

– Загружен так, что некогда рук помыть!

– У нас вовремя народ уходит. Ну, в целом, – Паша и тут решил противопоставить Группу и министерство, хотя на самом деле сидели допоздна.

– У нас дел по горло, – подхватил пикировку Колосов.

– Каких дел? Что это за дела, какие нельзя выполнить за день?

– Да понимаете, министр приходит из правительства где-то в 18. В правительстве у него свой кабинет, и свой небольшой аппарат.

– Я это знаю.

– Приходит, и начинает делами заниматься в министерстве. До полуночи. Потом утром планерка с участием министра, и задания до 18 часов.

– А нельзя как-то не зависеть от графика министра? Вот вы кто? Вы замначальника департамента. Вы не контактируете с министром каждую секунду.

– Нет, это делает начальник департамента, но беда в том, что мне приходится контактировать уже с ним. Проклятая работа, но зато есть чувство, что все на нас держится.

Пашу это уязвило.

- Да не так чтобы и все.
- Вы из Группы же? У нас есть разногласия, да.
- Не будем вспоминать их у камина!
- Не будем.

Шампанское, конечно, выпили, потому что Колосов шампанского привез с собой много, целый ящик. Говорили, что нельзя, но Колосов проигнорировал запрет:

– Мегеры ушли. Они еще Косыгина обслуживали. У них тут типо санаторий. Держат целый штат врачей, которым некого лечить. Ну иногда приезжают ветераны госслужбы, совсем старенькие, а старые люди все время лечатся.

Выпили еще шампанского, но разговор почему-то стал более злым.

– На Западе как? – Паша не был на Западе, но Мстиславский постоянно приводил в пример кейсы из западной практики, так что Паше казалось, будто он все видел сам, – Чиновник пришел, сделал работу, ушел. Государственная машина не может работать все время на сверх оборотах. Хочешь гарантий, хочешь спокойной жизни – иди на госслужбу. Ты никогда не будешь запредельно богат, но ты будешь чаще видеть своих детей. У нас госслужба – это пытка и соковыжималка.

– У вас тоже? – заинтересовался Колосов.

– Да у нас, наверное, нет. Я не позволяю своим подчиненным засиживаться, они мне нужны свежие, – Паша врал, тот неловкий момент, когда во лжи нет смысла. Просто Паша начал хвалить – с голоса Мстиславского – западные порядки. И пришлось идти до конца.

– Ну, я бы тоже так. – Колосов задумался, – Хотя что мне! Для меня госслужба – это эпизод. Банчок потом меня с радостью подберет любой. С таким-то опытом.

– То есть как?

– Ну то есть так, года на три-четыре кейс, и то я загнул.

– Ну а зачем тогда госслужба в варианте «зал ожидания аэропорта»?

– Нет, ну ты как с Луны свалился.

– Он свалился! – Люда радостно втемяшилась в разговор, – Он у нас не от мира сего.

Паша стервенел, потому что ждал от Люды поддержки. И он ей выговорил потом, уже в комнате:

– Слушай, ты и так постоянно меня критикуешь, я не слышу от тебя хорошего слова, могла бы хоть на людях делать вид!

– Ты пьян! Может, тебе люди мозги вправят. А я это фиксирую. Я твой коучер. Кто ты без меня? Да ты посмотрим, кем ты был? Руки потели, стыдно было подавать. А теперь даже физиология изменилась.

– Ты что несешь?

– Что дал, то и несу. Тебе, дурак, лучше делаю.

Закончили сексом. Это была манера Люды – завестись руганью, потом секс приятней казался. Паше Люда нравилась, и не стала меньше нравиться после брака. Правда, секс казался ему теперь каким-то обычным. У него, впрочем, не было достаточно опыта, чтобы сравнивать. Вот разве что...

Как-то поехали с друзьями в дом отдыха, на турбазу – друзья сняли всю турбазу для дня рождения какой-то девицы. Паша там почти никого не знал, но с ним было три друга, они знали всех, ладно, решил, там познакомлюсь. Но на удивление не познакомился. ОК, потом, как выпьют. Выпили, а не познакомились. Совсем молодые парни и девчонки смотрели сквозь него. А он заявился чуть не в пиджаке. Пытался к кому-то клеиться, но неловко говорил, сам не пил, а не пил из тактического соображения: вот даст кто, а у него не встанет, алкоголь враг эрекции. Совсем уж ночь настала, но июнь, светло. Молодежь пела какие-то свои песни, ой-е, еще что-то под гитару, затем танцы, Паша вышел на улицу, пошел к озеру. У дерева стояла девчонка, держалась за ствол, ее рвало. Он ей помог, вытер. Ну и тут закрутилось. Вот это

было хорошо, да. Конечно, уже на следующий день Паша с самым жалким видом нанес визит в КДВ, и боялся прямо сказать, чего приперся.

– А сделайте мне анализ!

– Зачем?

– Ну, я стал замечать...

– Контакты вне обычного поля были?

– Я просто стал замечать.

– Ладно, Вер, соскоб возьми у него.

Анализ ничего не выявил, что было вдвойне приятно.

На самую новогоднюю ночь свалили все же из санатория. Люда не выдержала.

– День лыжи, ладно. День санки, ладно. Потом бассейн все дни. Хорошо. Расскажи, что дальше делать? А Колосов твой видать гей. Толку нет с него.

– А если не гей?

– Я бы переспала с ним ради тебя. Шучу, дурак.

Праздник встречали дома, у телевизора. Без гостей.

Глава 11. Январь

Начало рабочего года – время сложное практически везде, только не на непрерывном производстве, и не в Группе. Еще каникулы длятся, а уже народ потянулся на работу. Вот и Павел пришел туда, заскочил, да и остался, уже числа третьего. А что было дома делать, с другой стороны. Люда ныла, у нее с утра было плохое настроение, днем было плохое настроение, вечером чуть лучше, но тоже как-то уныло все складывалось в молодой семье преуспевающего чиновника.

На работе Паша неожиданно застал Кристину. Кристина, думая, что будет одна, приперлась в ботинках-говнодавах, напоминающих валенки, в каких-то волосатых штанах, в простой куртке и не покрашенная.

– Вот, хоть на человека похожа, – сказал Паша, вроде как пошутил, и тут же подумал, фу, как по-стариковски получилось, по-солдафонски, как у ефрейтора.

Но шутка начальника – это просто самая классная шутка. Поэтому Кристина похихикала, даже как-то заигрывала потом, как Паше показалось, а может, он устал от «законной супруги», слова-то какие казенные, как его ефрейторские шутки.

– Чем занимаешься?

За окном засинело, пошел крупный снег, и стало очень красиво на какой-то момент. Романтика. Но снег быстро превратился в противный дождь. Счастье не бывает длинным.

– Да вот прислали из Саранска, – Кристина открыла файл и развернула экран компьютера к Павлу, что тоже выглядело достаточно интимно. Так студенты слушают музыку через одни наушники, что вполне себе бессмысленно, если забыть о той особой близости, которую дает этот процесс.

На экране была женщина, простая такая баба из серии «я че, я тут убираюсь».

– Что это? – брезгливо спросил Паша.

– Да вы посмотрите. Кажется, это важно.

Женщину допрашивали.

– Сотрудники наши тамошние, – пояснила Кристина.

Она сидела на краешке стула, ей было неловко, иногда она опрокидывалась на спинку, но тут же одергивала себя, выпрямляла спину и занимала позицию на краешке стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.